

Uzbekistan

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОНВЕРГЕНЦИИ С БЛИЖАЙШИМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПАРТНЕРАМИ

Анализ внешнего сектора Узбекистана с точки зрения структуры и конкурентоспособности,
анализ инвестиционного потенциала и развития инфраструктуры

СОДЕРЖАНИЕ

1	Общий обзор экономики Узбекистана и оценка ее потенциальных рисков	5
1.1	Анализ основных макроэкономических показателей, оценка тенденций социально-экономического развития	5
1.2	Оценка демографических тенденций, их влияние на экономику и рынок труда	8
1.3	Оценка бюджетной политики, структуры доходов и расходов бюджета	10
1.4	Оценка потенциальных рисков экономики Узбекистана	11
2	Оценка реальной, номинальной и институциональной конвергенции Узбекистана со странами ЕАЭС и Китаем	14
2.1	Экономическая конвергенция	14
2.2	Анализ конвергенции: краткий обзор методологии	16
2.3	Реальная конвергенция	18
2.4	Номинальная конвергенция	22
2.5	Институциональная конвергенция	25
3	Внешняя торговля товарами	31
3.1	Общие тенденции	31
3.2	Географическая и товарная структура торговли	33
3.3	Показатели конкурентоспособности	38
3.4	Пространство товаров	39
4	Торговая политика	43
5	Инвестиционная политика	45
6	Внешний сектор	49
6.1	Платежный баланс	49
6.2	Внешний долг	50
7	Развитие инфраструктуры, включая проекты, реализуемые в рамках инициативы «Пояс и путь»	52
7.1	Транспортная инфраструктура	52
7.2	Энергетическая инфраструктура	55
	Заключение	58
	Список использованных источников	63

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

COMTRADE	—	база данных ООН по торговле
LPI	—	индекс эффективности логистики
WEO	—	World Economic Outlook
ВВП	—	валовой внутренний продукт
г/г	—	год к году
ЕАЭС	—	Евразийский экономический союз
ЕС	—	Европейский союз
МАГАТЭ	—	Международного агентства по атомной энергии
МВФ	—	Международный валютный фонд
ОИС	—	Организация исламских государств
ООН	—	Организация объединенных наций
ОСЭР	—	Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	—	прямые иностранные инвестиции
ППС	—	паритет покупательной способности
СНГ	—	Содружество независимых государств
СРП	—	соглашение о разделе продукции
ТНВЭД	—	Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности
ШОС	—	Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 2017 г. Узбекистан проводит масштабные структурные и институциональные реформы. Начало данному процессу положило принятие «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг.», целью которой является модернизация страны, обеспечение ее ускоренного развития, а также либерализация экономики и других сфер. Принимая во внимание значительный прогресс, достигнутый в реализации реформ, журнал «The Economist» признал Узбекистан страной 2019 г. С началом реформ также активизировалось взаимодействие с международными региональными организациями, и в частности, с Содружеством независимых государств (СНГ), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Организацией исламских государств (ОИС).

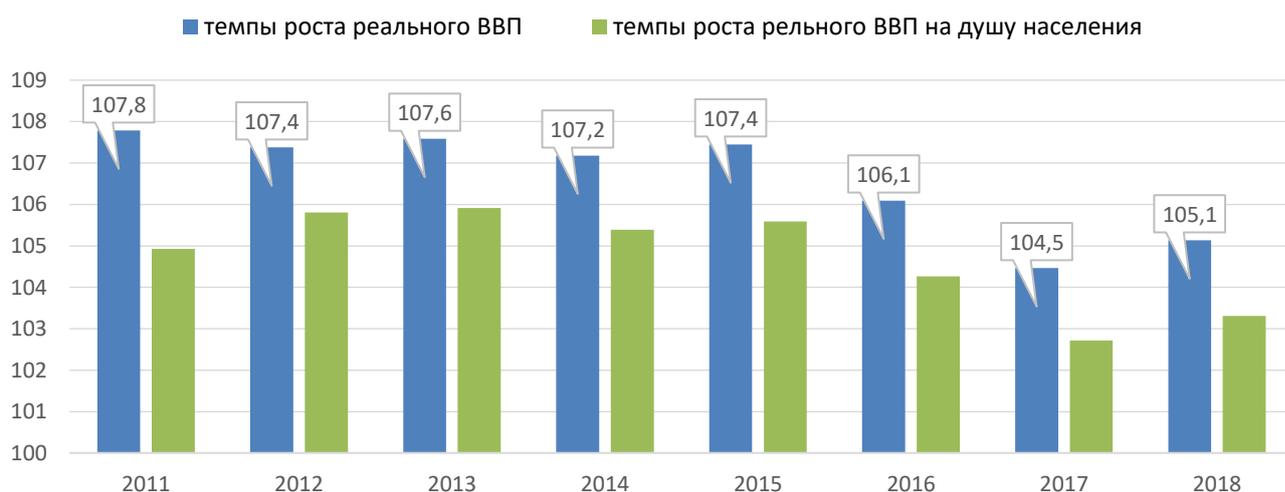
Узбекистан также рассматривает возможность вступления в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), хотя ранее формы интеграции более глубокие, чем зона свободной торговли, не стояли на повестке дня. Однако, вне зависимости от того, какое решение будет принято относительно членства, Узбекистан имеет тесные связи с ЕАЭС по различным направлениям, и страна не может не сотрудничать с ним в целях экономического развития, обеспечения доступа к мировым рынкам и реализации соглашений по широкому спектру направлений. В связи с этим целью данной работы является анализ состояния экономического развития Узбекистана и выявление направлений взаимодействия со странами Евразийского экономического союза.

Изложение построено следующим образом: в первой главе дается общий обзор экономики Узбекистана и оценка ее потенциальных рисков. Во второй главе анализируется реальная, номинальная и институциональная конвергенция Узбекистана со странами ЕАЭС и Китаем, третья глава посвящена анализу внешней торговли товарами, в четвертой и пятой рассматривается торговая и инвестиционная политика, а в шестой – платежный баланс и внешний долг. Анализ развития инфраструктуры, включая проекты, реализуемые в рамках инициативы «Пояс и Путь» приведен в седьмой главе, в заключении содержатся основные выводы.

1 ОБЩИЙ ОБЗОР ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА И ОЦЕНКА ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

1.1 АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

По данным Государственного комитета Республики Узбекистан, по статистике в 2003-2007 гг. в экономике страны наблюдалось устойчивое ускорение темпов экономического роста, которые достигали пиковых значений равных 9-9.5%. Такому ускорению способствовала благоприятная внешняя среда, в частности, рост цен на сырье и энергетические ресурсы. Однако в последующие годы темпы роста реального ВВП замедлились в связи с недостаточной диверсификацией экономики, низким уровнем ее конкурентоспособности и производительности труда, а также недостаточным прогрессом в улучшении бизнес-климата. Несмотря на существенное замедление экономической динамики, темпы роста реального ВВП в Узбекистане оставались достаточно высокими (рисунок 1).

Примечание – расчеты авторов на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 1 – Темпы роста реального ВВП Узбекистана (г/г), %

В 2018 г. реальный ВВП вырос на 5,1%. В последние три года наметилось замедление экономической динамики. В частности, если среднегодовые темпы прироста в 2011-2015 гг. составляли примерно 7,5%, то за последние три года среднегодовой прирост реального ВВП снизился до 5,2%. Темпы прироста реального ВВП на душу населения существенно отставали от темпов роста ВВП (рисунок 1). Среднегодовое значение этого показателя за 2011-2015 гг. было равно 5,5%, а в 2016 -2018 гг. – 3,4%. В 2018 г. темп прироста реального ВВП на душу населения отставал от прироста реального ВВП на 1,8 процентных пунктов. Такое несоответствие в динамике этих

показателей свидетельствует о проблемах производительности труда и эффективности использования рабочей силы в Узбекистане.

Темы прироста ВВП по видам экономической деятельности, %

Структура ВВП по видам экономической деятельности, %

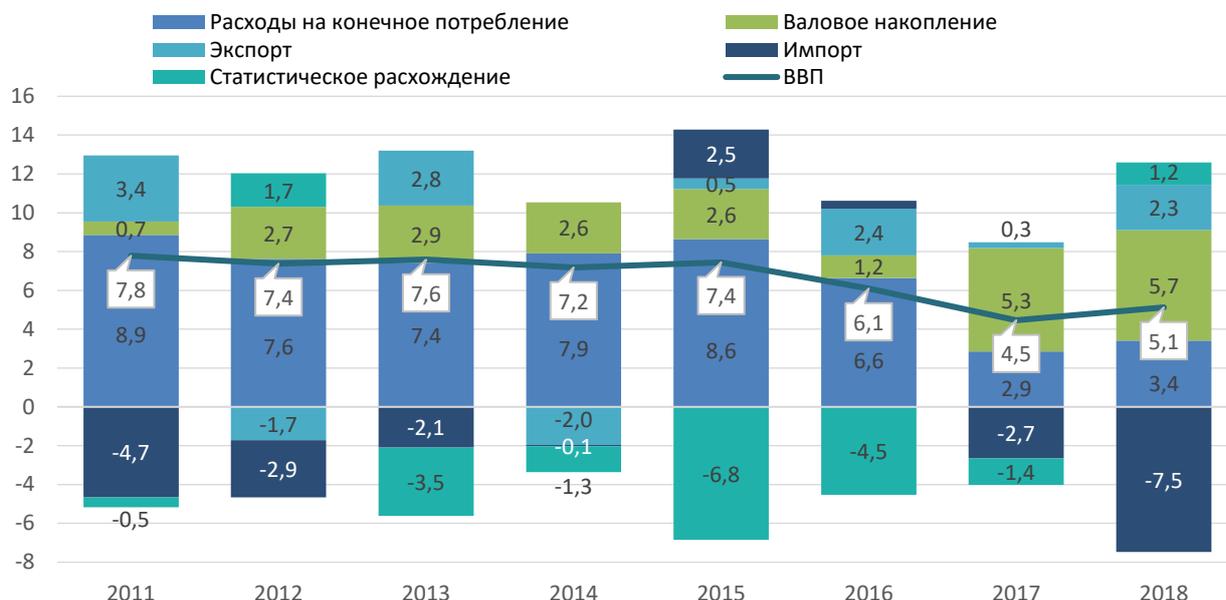
Примечание – расчеты авторов на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 2 – Динамика и структура ВВП Узбекистана по видам экономической деятельности

Наиболее высокие темы роста за последние два года показали промышленность (110,6%) и строительство (109,9%), в то время как сельское хозяйство в 2018 г. практически роста не демонстрировало. Услуги и чистые налоги росли темпами, близкими к темпам роста реального ВВП (рисунок 2). Такая взаимная динамика определяла структуру ВВП Узбекистана по видам деятельности: удельный вес промышленности за последние годы несколько увеличился и составил в 2018 г. немногим более 23%, в то время как удельный вес сельского хозяйства сократился и составил 28,8%. При этом удельный вес сельского хозяйства в экономике Узбекистана остается очень высоким. Учитывая низкую производительность труда в сельском хозяйстве, это оказывает замедляющее влияние на перспективную динамику реального ВВП в Узбекистане.

На рисунке 3 представлено разложение пророста реального ВВП Узбекистана, рассчитанного методом использования на отдельные компоненты. Темпы прироста реального ВВП в 2018 г. составили 5,1%. При этом основной вклад в прирост ВВП внесло валовое накопление (5,7%), примерно столько же пришлось суммарно на долю расходов на конечное потребление и экспорт (3,4% и 2,3% соответственно). Вклад импорта был существенно отрицательным (-7,5%). Годом ранее вклад валового накопления в прирост реального ВВП также был преобладающим (5,3%).

До 2017 г. рост реального ВВП обеспечивался в основном за счет расходов на конечное потребление, а динамика экспорт и импорт был относительно сбалансированной.

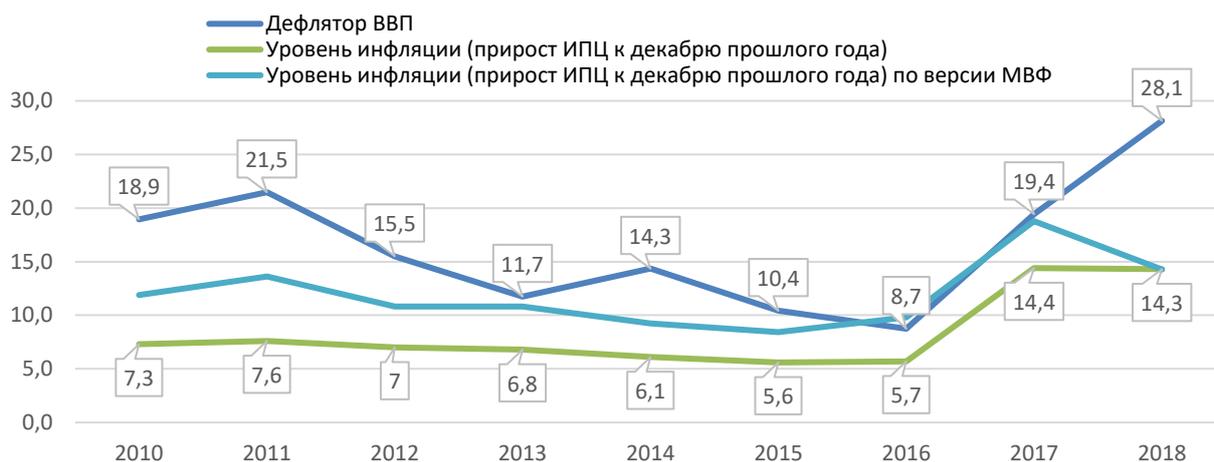
Примечание – расчеты авторов на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 3 – Вклад компонентов в динамику реального ВВП (в ценах 2010 г.), %

Таким образом, за последние два года в Узбекистане наблюдался высокий рост инвестиций, стимулируемый целевым кредитованием и отложенным потребительски спросом. В результате профицит текущего счета в 2017 г., составлявший 1,4% от ВВП трансформировался в 2018 г. в дефицит текущего счета, составляющий 7,1% от ВВП. Росту импорта способствовало существенное снижение импортных пошлин. Стимулирование кредитования и инвестиций, существенный рост импорта товаров производственного назначения, а также инвестиции в инфраструктуру и жилищное строительство – отличительная особенность узбекской экономики последних лет. Очевидно, эта тенденция продлится и в ближайшие годы. В то же время инвестиционный и кредитный бум ведет лишь к умеренным результатам в плане экономического роста и создания новых рабочих мест и является потенциальным источником экономических дисбалансов, в частности, роста инфляционного давления.

На рисунке 4 представлены три показателя, характеризующие инфляцию в Узбекистане: индекс потребительских цен (ИПЦ) по официальным данным, аналогичный показатель по данным МВФ, а также дефлятор ВВП. Несмотря на то, что уровень инфляции по версии МВФ за предыдущие годы был выше официального (в 2018 г. эти показатели фактически сравнялись, очевидно из-за улучшения качества статистики), оба показателя демонстрируют сходный тренд

– существенный рост потребительских цен за последние два года (более 14%). Дефлятор ВВП в 2018 г. практически в два раза превышает ИПЦ и составляет более 28%. Несмотря на то, что уровень инфляции имеет некоторую тенденцию к снижению в 2019 г., он все еще остается двузначным числом. Очевидно, что инфляционные ожидания продолжают оставаться высокими, а дефлятор ВВП как альтернативный показатель уровня инфляции свидетельствует о высоком инфляционном давлении в экономике Узбекистана.

Примечание – на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике и МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 4 – Динамика цен в Узбекистане, %

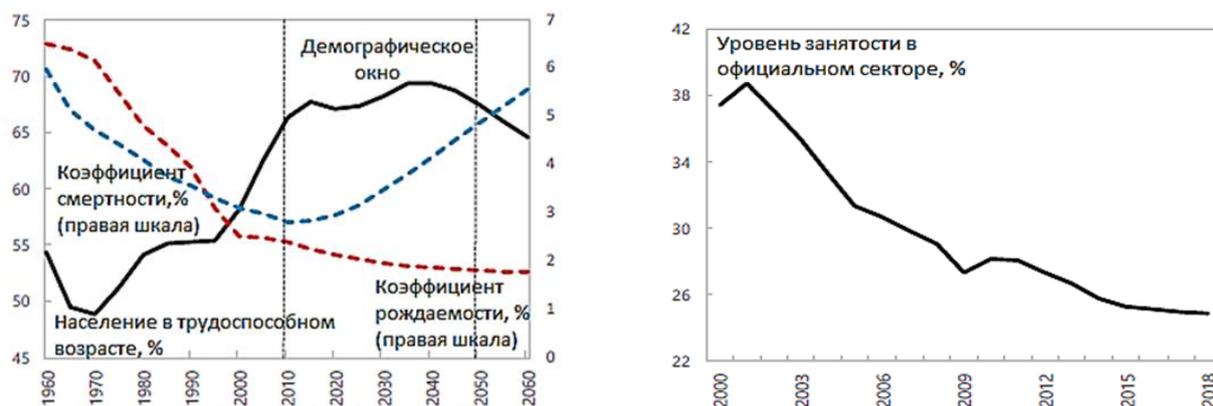
1.2 ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ И РЫНОК ТРУДА

Исходя из текущих и перспективных демографических тенденций в Узбекистане основной экономической проблемой является создание новых и более эффективных рабочих мест. К настоящему времени достаточно высокий экономический рост не привел к созданию необходимого количества рабочих мест по отношению к экономически активному населению. Общее количество рабочих мест, предлагавшихся на внутреннем рынке труда в 2018 г., оценивалось примерно в 1,1 млн, в то время как реальная потребность составляла более 1,3 млн, т.е. на более чем 18% [1].

По официальным данным численность рабочей силы в 2018 г. составляла 18,8 млн человек, из которых 14,6 млн человек относилось к экономически активному населению (77,7%). В экономике было занято 13,2 млн человек (примерно 90%). При этом в официальном секторе работали 5,3 млн человек, а в неофициальном секторе – 7,9 млн человек, из которых число работников, занятых на сезонных и временных неофициальных работах составляло 1,6 млн человек. В 2018 г. примерно 2,6 млн человек являлись трудовыми мигрантами (около 18% от экономически

активного населения), ищущими работу за границей (главными образом в России – более 96%) [1].

На рисунке 5 представлены основные демографические характеристики Узбекистана в перспективном аспекте во взаимосвязи с показателями предложения труда и уровня занятости. В обозримом будущем динамика показателей рабочей силы, а также коэффициентов рождаемости и смертности открывает так называемое демографическое окно возможностей для ускоренного и инклюзивного роста. Для этого необходимо создание новых рабочих мест, увеличение сбережений и инвестиций в человеческий капитал.

Примечание – построено на основе [2].

Рисунок 5 – Демографические характеристики, предложение труда и уровень занятости в Узбекистане

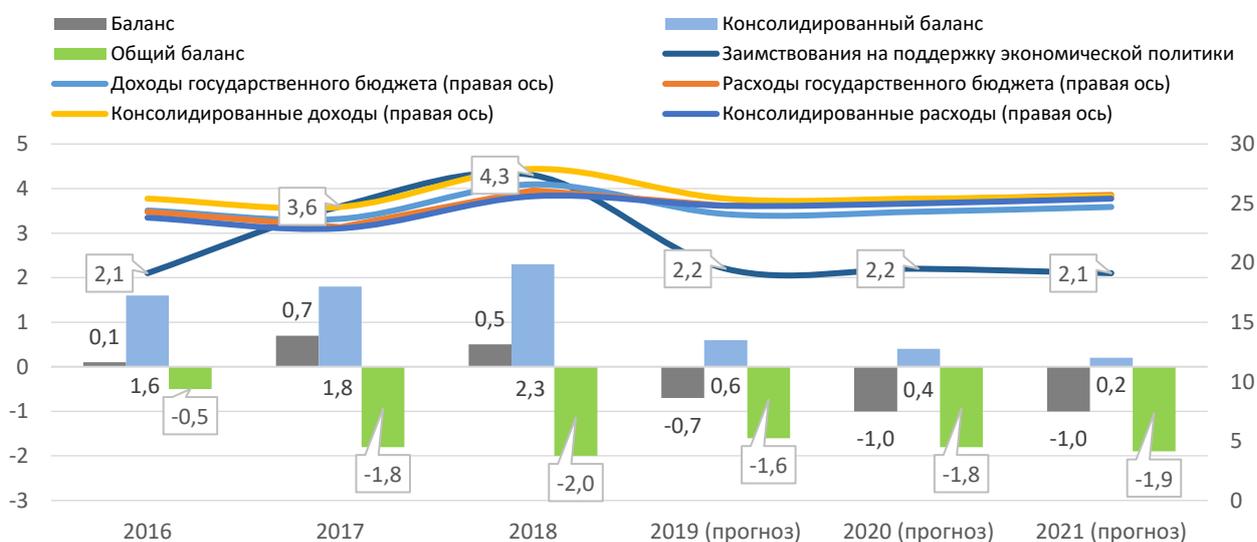
Однако в настоящее время создание рабочих мест в официальном секторе не соответствовало темпам роста рабочей силы (в 2018 г. уровень занятости в официальном секторе составлял по различным оценкам 26-28%). Кроме того, качество человеческого капитала ограничивается низким образовательным уровнем (в частности, низкий удельный вес населения с высшим образованием). В то же время рабочие места, создаваемые в неофициальном секторе экономики, являются менее защищенными и низкооплачиваемыми. Такая ситуация неизбежно ведет к трудовой миграции за пределы Узбекистана (преимущественно в Россию) миллионов человек. Достаточно высоким является и уровень безработицы (9,3% на конец 2018 г.).

В экономике Узбекистана в среднем создается около 280 тыс. новых рабочих мест в год, хотя по демографическим причинам необходимо создание около 600 тыс. рабочих мест. Поэтому для обеспечения высоких темпов роста ежегодное количество создаваемых рабочих мест в экономике должно увеличиться в два раза, чтобы обеспечить новых работников, вступающих на ры-

нок труда. Большинство рабочих мест должны создаваться за счет образования новых и расширения существующих предприятий. Среди структурных проблем на рынке труда Узбекистана следует отметить слабые стимулы к труду, недостатки в квалификации работников и недостаточные возможности для обучения техническим навыкам на предприятиях, высокий уровень безработицы среди молодежи, высокая доля экономически неактивного населения и длительная безработица, а также ограниченная мобильность рабочей силы [1].

1.3 ОЦЕНКА БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ, СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ БЮДЖЕТА

Фискальная ситуация в Узбекистане в 2017-2018 гг. выглядела взвешенной. В 2018 г. государственный бюджет был сведен с профицитом, равным 0,5% от ВВП. По данным МВФ, общий баланс консолидированного бюджета, учитывающий величину средств Фонда реконструкции и развития, покупки акций для увеличения основного капитала, средств из внешних источников и заимствования для проведения соответствующей экономической политики (заимствования на поддержку экономической политики минус консолидированный баланс) в 2018 г. был отрицательным и составил 2% от ВВП. Заимствования для проведения экономических реформ явились основным источником бюджетного дефицита в 2017-2018 гг. (рисунок 8).

Примечания

1. Консолидированные доходы и расходы представляют собой доходы и расходы государственного бюджета, скорректированные на величину средств Фонда реконструкции и развития, покупки акций для увеличения основного капитала, средств из внешних источников, заимствования для проведения соответствующей экономической политики.
2. Составлен на основе данных [2].

Рисунок 6 – Государственный бюджет: основные компоненты в % к ВВП

В перспективе бюджетный дефицит не должен стать проблемой для макроэкономической стабильности. По официальным данным предполагается, что в 2019-2022 гг. он будет равен от 0,7% до 1% от ВВП. По оценкам МВФ, общий баланс будет более дефицитным и составит в указанные годы от 1,6% до 1,9% от ВВП. Также предполагается, что государственный долг будет оставаться умеренным, оставаясь на уровне примерно 25% от ВВП.

Однако существует потенциальный риск для бюджетного процесса со стороны возможного сокращения налогов от государственных предприятий вследствие экономических реформ. Государственный сектор экономики, где сосредоточено всего лишь около 13% занятости формального сектора, обеспечивает значительную часть налоговых поступлений. Реформирование этого сектора (без существенного повышения уровня корпоративного управления и налоговой реформы) может привести к существенному снижению налоговых поступлений, по крайней мере в среднесрочной перспективе.

1.4 ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА

Сближение Узбекистана со странами ЕАЭС (за исключением Кыргызстана) будет определяться перспективными темпами экономического роста. В последние годы темпы экономического роста Узбекистана заметно превышали темпы роста стран ЕАЭС (за исключением Армении). Дальнейшая экономическая динамика будет обуславливать влияние ряда факторов и возможных экономических рисков.

Проблемы макроэкономической стабилизации. В настоящее время экономика Узбекистана функционирует в условиях кредитной экспансии и высокой инфляции (более 14% в 2018 г.). Таким образом, макроэкономическая стабилизация и обуздание инфляции является важной предпосылкой долгосрочного экономического роста. Это потребует ужесточения кредитно-денежной и бюджетной политики.

Стимулирование роста за счет инвестиций и кредитной экспансии. Реальный ВВП Узбекистана в 2018 г. вырос на 5,1%, при этом важнейшим источником этого роста было увеличение на более чем 18% валового накопления капитала, существенно ускорившееся с 2016 г. Рост импорта составил в 2018 г. более 39%, при росте экспорта лишь примерно на 11%. Таким образом, экономический рост в настоящее время обеспечивается в значительной степени за счет инвестиций и соответствующего импорта инвестиционных товаров в развитие государственного сектора экономики и кредитной экспансии в условиях весьма низкой эффективности экономики.

Проблемы рынка труда и создания новых рабочих мест. С одной стороны, в Узбекистане наблюдается рост доли населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения.

Увеличение предложения рабочей силы открывает окно возможностей для быстрого роста экономики и конвергенции со странами ЕАЭС. Для этого требуется создание новых рабочих мест и инвестиции в человеческий капитал.

С другой стороны, имеет место тенденция к существенному сокращению удельного веса занятых в официальном секторе экономики. Это сопровождается поиском работы в неформальном секторе (с худшими условиями работы) экономики и большой трудовой миграцией. Экономический рост в Узбекистане пока не ведет к созданию существенного количества рабочих мест по отношению к экономически активному населению. Общее количество рабочих мест, предлагавшихся на внутреннем рынке труда в 2018 г., оценивается по данным Всемирного банка в 1,061 млн, однако это намного меньше необходимого количества рабочих мест (более 1,3 млн).

По данным Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, в 2018 г. в экономике было занято 13,2 млн человек, из которых 5,3 млн человек работали в официальном секторе, а 7,9 млн чел. (или более 59% от общей численности занятых) работали неофициально. Трудовые мигранты, ищущие работу за границей, составляли 2,6 млн чел.

Таблица 1 – Основные экономические риски в Узбекистане

Риск	Высокий	Средний	Низкий
Замедление темпов экономического роста в мире		●	
Высокие колебания цен на энергоносители		●	
Риски, связанные с безопасностью	●		
Кредитный бум		●	
Замедление процесса экономических реформ		●	
Сокращение налоговых поступлений по мере реформирования государственных предприятий	●		
Сокращение государственной поддержки банков, ведущее к нехватке финансовых средств		●	

Примечание – составлено на основе данных [2].

При этом Узбекистан является страной с высоки удельным весом аграрного сектора экономики. Сельское, лесное и рыбное хозяйство составляет более 32% экономики страны. Данный сектор характеризуется относительно низкой производительностью.

Таким образом, в экономике Узбекистана на данный момент существует ряд серьезных проблем и рисков, которые могут оказывать негативное влияние на долгосрочные темпы экономического роста. Основные экономические риски в экономике Узбекистана представлены в таблице 1.

2 ОЦЕНКА РЕАЛЬНОЙ, НОМИНАЛЬНОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ УЗБЕКИСТАНА СО СТРАНАМИ ЕАЭС И КИТАЕМ

2.1 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

Экономическая конвергенция в широком смысле слова представляет собой устойчивый во времени процесс сокращения межстрановых различий в основных экономических показателях, а также сближения национальных правовых систем и мер политики. Сближение стран, входящих в экономические объединения, является как одной из целей процесса экономической интеграции, так и предпосылкой ее успешности.

Можно выделить три вида экономической конвергенции: реальную, номинальную и институциональную. *Реальная конвергенция* означает сближение уровней доходов на душу населения между странами экономических объединений. *Номинальная конвергенция* представляет собой синхронизацию динамиками важнейших макроэкономических показателей. *Институциональная (структурная) конвергенция* предполагает сближение условий ведения экономической деятельности и уровня развития рыночных институтов.

При оценке конвергенции между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также Китая и Узбекистана использовались следующие показатели:

- для оценки реальной конвергенции – показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ВВП на душу населения по ППС), обеспечивающий сопоставимость экономического развития в различных странах;
- для оценки номинальной конвергенции – показатель уровня инфляции, который в обобщенном виде характеризует макроэкономическую стабильность (нестабильность);
- для оценки институциональной конвергенции – различные индексы, характеризующие уровень экономической свободы, качество государственного управления и состояние предпринимательской среды.

Показатель ВВП на душу населения по ППС был взят из базы данных World Economic Outlook Database (WEO), публикуемой и регулярно обновляемой Международным валютным фондом (МВФ)¹. Для анализа был выбран период с 1995 по 2018 гг. (годовые данные), что обусловлено наличием более или менее надежной статистики по всем рассматриваемым странам ЕАЭС, Китаю и Узбекистану.

¹ См. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>.

В качестве показателя уровня инфляции были выбраны темпы прироста индекса потребительских цен (в процентах) на конец года за период 2010-2016 гг., поскольку в предыдущие годы наблюдалась существенная волатильность уровня инфляции в отдельных странах, что затрудняет анализ конвергенции. Как и в предыдущем случае, здесь использовалась база данных МВФ (WEO).

Оценка институциональной конвергенции представляет особую трудность из-за сложности выбора адекватной количественной характеристики этого процесса. Одним из немногих возможных вариантов здесь является использование соответствующих индексов, рассчитываемых различными международными организациями и отражающих разные аспекты институционального развития и благоприятности экономической среды. Такие индексы зачастую могут противоречить друг другу. Кроме того, следует принимать во внимание, что некоторые индексы могут содержать, на наш взгляд, определенный политический уклон. Например, страны ЕАЭС традиционно рассматриваются как преимущественно несвободные, и такая оценка является весьма инерционной.

Для более сбалансированной оценки целесообразно использовать несколько показателей, рассчитываемых разными организациями. Были использованы следующие показатели: индекс экономической свободы, публикуемый Фондом наследия (Heritage Foundation)², индекс качества управления (Worldwide Governance Indicators)³ и показатель легкости ведения бизнеса⁴, публикуемые Всемирным банком (The World Bank).

Индекс экономической свободы представляет собой среднее арифметическое из 10 индикаторов, характеризующих свободу бизнеса, свободу торговли, налоговую свободу, свободу от правительства, денежную свободу, инвестиционную свободу, финансовую свободу, защиту прав собственности, свободу от коррупции и свободу трудовых отношений. Он принимает значения от 0 до 100 баллов. При этом 100 баллов означает максимальную экономическую свободу, а 0 баллов – минимальную. Для анализа институциональной конвергенции в странах ЕАЭС, Китае и Узбекистане по данному показателю был выбран максимально возможный период 1998-2019 гг.

Индекс качества управления основывается на шести составляющих, отражающих качество данного процесса: учет мнения населения и подотчетность государственных органов; политиче-

² См. <http://www.heritage.org/index>.

³ См. <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators#>.

⁴ См. <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/doing-business>.

ская стабильность и отсутствие насилия; эффективность работы правительства; качество законодательства; верховенство закона; сдерживание коррупции. В конечном счете для каждого из шести показателей качества государственного управления по разработанной методологии рассчитывается балл от 0 до 100, который показывает место страны по каждому показателю качества государственного управления среди всех рассматриваемых стран. При этом, чем выше балл, тем лучше качество государственного управления. Мы использовали обобщенный показатель качества управления, рассчитанный как среднее арифметическое из шести отдельных показателей качества государственного управления. При анализе рассматривался период 2002-2018 гг., что обусловлено наличием сопоставимых данных по всем анализируемым странам.

Показатель легкости ведения бизнеса (удаленность от передового рубежа) характеризует расстояние каждой страны до определенного предельного уровня (передового рубежа), который представляет собой наилучшие результаты, наблюдаемые по каждому из показателей по всем странам в докладе «Ведение бизнеса». Показатель принимает значения от 0 до 100 баллов, где 0 баллов присваивается наихудшим показателям, а передовой рубеж получает 100 баллов. При анализе конвергенции при помощи этого показателя использовались данные за 2010-2020 гг. (постоянные изменения в методологии расчета не позволяют использовать данные за предыдущие годы).

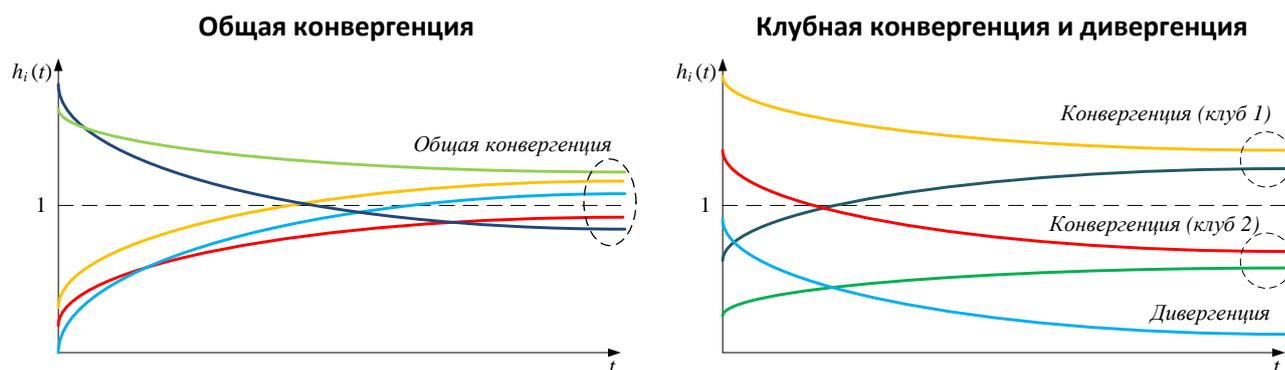
2.2 АНАЛИЗ КОНВЕРГЕНЦИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР МЕТОДОЛОГИИ

Для анализа реальной, номинальной и институциональной конвергенции между странами ЕАЭС, а также Узбекистаном и Китаем был использован эконометрический метод, основанный на нелинейной факторной модели с изменяющимися параметрами [3]. Преимущества этого метода состоят в том, что он допускает гетерогенность в динамике показателей, не требует никаких исходных предпосылок о стационарности переменной вокруг тренда или наличия единичного корня, и, следовательно, позволяет получать устойчивые оценки вне зависимости от статистических характеристик данных.

Данный метод основывается на анализе панельных данных. На первом этапе проверяется гипотеза об отсутствии конвергенции по всей группе стран в целом (общая конвергенция). Здесь используется так называемый $\log(t)$ тест. Если гипотеза о наличии общей конвергенции отвергается, анализ продолжается в направлении поиска однородных кластеров стран в рамках исследуемой группы. Таким образом, данный подход позволяет выявить так называемую клубную конвергенцию, а также объединить близкие по своим характеристикам клубы. Кроме того, в ходе

анализа можно определить тип конвергенции: конвергенция уровней рассматриваемых показателей (абсолютная) или конвергенция темпов роста показателей (относительная).

Используя понятие относительных траекторий перехода⁵, идея общей и клубной конвергенции может быть представлена весьма наглядно графически. Ниже изображены стилизованные траектории перехода, отражающие в одном случае общую конвергенцию, а во втором – клубную конвергенцию и дивергенцию (рисунок 7).

Примечания

1. Средний уровень показателя по панели данных равен 1. Пунктирными овалами обозначены группы стран, где наблюдается конвергенция. Цветные линии характеризуют значения относительных траекторий перехода для отдельных стран, включенных в панель данных.
2. Построено на основе [4, 5].

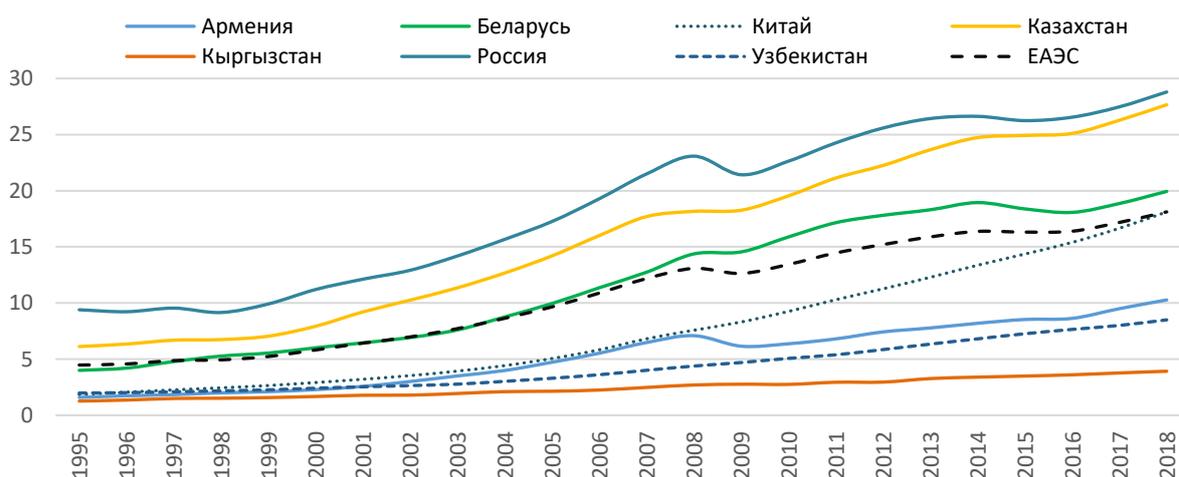
Рисунок 7 – Стилизованные траектории перехода

В случае общей конвергенции траектории перехода для всех стран, включенных в панель, стремятся к среднему значению анализируемого показателя по панели в целом, которое по определению равно 1. С точки зрения формального эконометрического анализа в данном случае нулевая гипотеза о наличии конвергенции между всеми странами панели не будет отвергнута при помощи $\log(t)$ теста. Напротив, во втором случае гипотеза об общей конвергенции отвергается, что, однако, не исключает наличия кластеров стран, где конвергенция имеет место. При этом формируются клубы конвергенции, где траектории перехода отдельных стран стремятся к своим специфически средним (клуб 1 и 2). В то же время могут быть страны, которые не входят ни в какие клубы и демонстрируют дивергенцию. Алгоритм, изложенный выше, позволяет осуществить формальное тестирование наличия клубной конвергенции и состава этих клубов.

⁵ Относительная траектория перехода характеризуется коэффициентами факторных нагрузок относительно среднего значения показателя по панели данных и таким образом характеризует траекторию перехода исследуемой переменной по каждой отдельно взятой стране относительно ее среднего значения по всей панели рассматриваемых стран.

2.3 РЕАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

На рисунке 8 представлена динамика ВВП на душу населения по ППС в абсолютных величинах (международных долларах). Как видим, уровни данного показателя в 1995-2018 гг. имели выраженную тенденцию к росту (исключением является Кыргызстан, где этот рост по сравнению с другими странами был выражен не столь явно). Если рассматривать средний уровень по ЕАЭС, то три страны – Казахстан, Беларусь и Россия практически все годы находились в зоне выше среднего уровня, а Армения и Кыргызстан – существенно ниже. Китай только в 2018 г. смог достичь среднего уровня по ЕАЭС и существенно отстает от тройки лидеров (особенно России и Казахстана). Узбекистан по уровню ВВП на душу населения по ППС более чем в два раза превышает Кыргызстан – государство-член ЕАЭС. Лидером в рассматриваемой группе стран является Россия, затем следует Казахстан и с существенным отставанием – Беларусь. К 2018 г. Китай все еще не достиг уровня ВВП на душу населения по ППС Беларуси и из стран ЕАЭС превышает только уровни Армении и Кыргызстана, хотя и очень существенно.

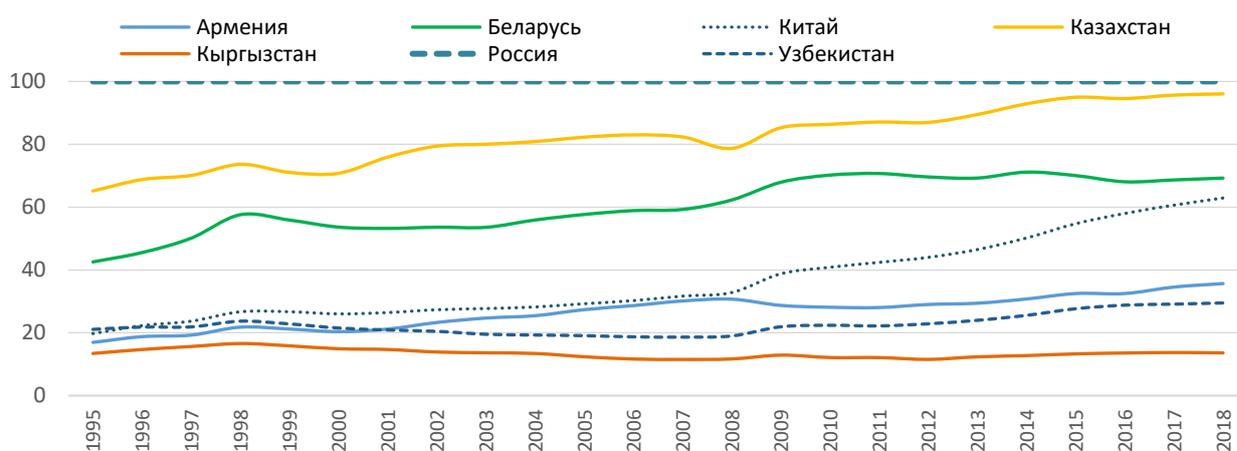

Примечание – Построено на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 8 – ВВП на душу населения по ППС в текущих международных долларах, тыс.

За указанные годы происходило определенное сближение уровней ВВП на душу населения по ППС между странами ЕАЭС, Китаем и Узбекистаном. В частности, в 2018 г. уровень ВВП на душу населения по ППС в Казахстане составлял более 96% от российского, а в Беларуси – около 70%. Данные значения для Армении и Кыргызстана были значительно ниже – около 36% и 14% соответственно (рисунок 9). Относительный уровень ВВП на душу населения по ППС Китая в 2018 г. был равен примерно 63% от российского. В Узбекистане данная величина составляла около 30%, хотя относительно среднего уровня по ЕАЭС – около 47%.

Сближение (расхождение) стран по уровню ВВП на душу населения по ППС обуславливается двумя формальными обстоятельствами: исходным абсолютным уровнем и последующими темпами роста. При этом логично возникает вопрос, сколько времени может занять процесс постепенного сближения показателей различных стран. В частности, сколько лет потребуется Узбекистану при прочих равных условиях, чтобы достичь среднего уровня ВВП на душу населения по ППС в ЕАЭС в среднем, его государствах-членах, а также в Китае. При различных исходных уровнях ВВП на душу населения по ППС между странами, их сближение может произойти только в результате более быстрых темпов этого показателя в отстающей стране.

Примечание – Построено на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 9 – ВВП на душу населения по ППС в текущих международных долларах относительно России, %

В 2018 г. уровень ВВП на душу населения по ППС в Узбекистане составлял около 47% от соответствующего среднего уровня ЕАЭС. В том числе от уровня России – около 30%, Казахстана – около 31%, Беларуси – около 43%, Армении – около 83%. При этом Узбекистан превышал уровень Кыргызстана более чем в 2 раза. За последние пять лет (2014-2018 гг.) среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения по ППС в Узбекистане составили 6%, что существенно превышало среднегодовые темпы прироста в целом по ЕАЭС (2,7%), а также все его государства-члены (только Армения имела близкие к Узбекистану среднегодовые темпы роста). Исходя из предпо-

ложения (конечно, достаточно условного), что существующие темпы роста сохранятся и в дальнейшем, можно рассчитать количество лет, которое потребуется для отстающей страны, чтобы сближаться со странами лидерами⁶.

Соответствующие расчеты представлены в таблице 2. Как видим, Узбекистану при сохранении нынешних темпов роста потребуется 23 года для достижения уровня ВВП на душу населения по ППС в среднем по ЕАЭС, где предполагаются относительно невысокие среднегодовые темпы экономического роста на основе сложившейся за последние пять лет динамики. Чтобы сближаться с отдельными странами ЕАЭС, Узбекистану потребуется 21–63 года. Поскольку у Китая предполагаемые темпы роста выше (более 8%), то в данном случае сближение не произойдет вовсе и будет наблюдаться дивергенция. В то же время Узбекистан при сложившейся экономической динамике опережает Кыргызстан на 35 лет.

Таблица 2 – Расчетное количество лет, которое потребуется Узбекистану для конвергенции ВВП на душу населения по ППС со странами ЕАЭС и Китаем

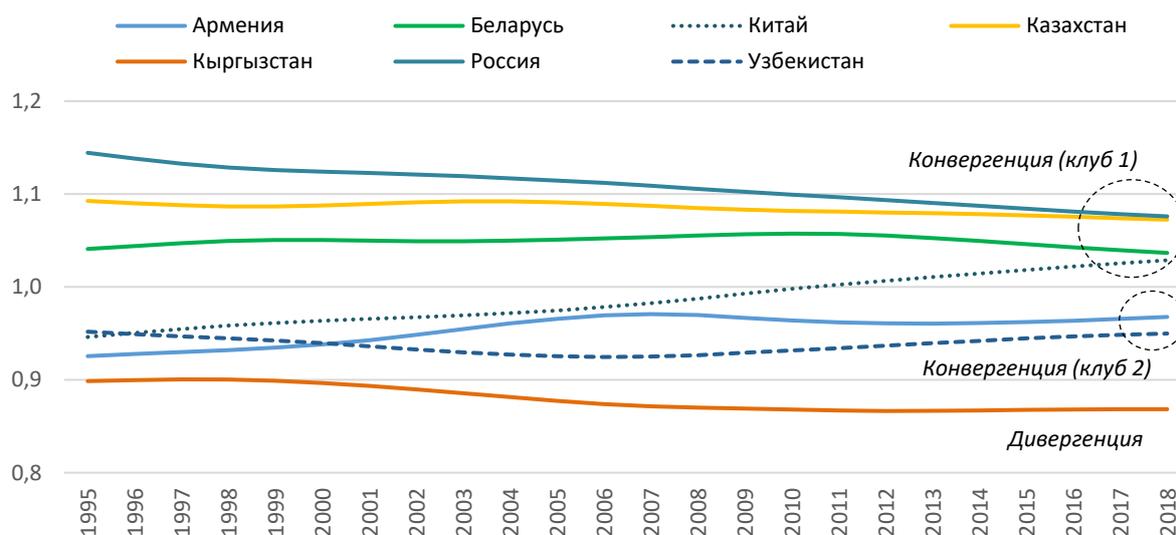
Объединение/страна	ВВП на душу население по ППС в 2018 г., долларов США	Среднегодовой темп прироста за 2014–2018 гг., %	Количество лет, необходимое Узбекистану для конвергенции
ЕАЭС в среднем	18119	2.7	23
в том числе			
Армения	10273	5.7	63
Беларусь	19941	1.7	21
Казахстан	27660	3.2	43
Кыргызстан	3922	3.7	-35
Россия	28797	1.7	29
Китай	18116	8.1	дивергенция
Узбекистан	8498	6.0	–

Примечание – Расчеты авторов на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Приведенные расчеты, конечно же, являются условными и предполагают неизменность экономической динамики в рассматриваемых странах. Тем не менее, они наглядно показывают остроту проблемы отставания Узбекистана по уровню ВВП на душу населения по ППС от большинства стран ЕАЭС (за исключение Кыргызстана) и Китая. В то же время эти результаты указы-

⁶ Расчет осуществляется следующим образом: $t = \frac{\ln Y_i - \ln Y_j}{\ln(1+r_j) - \ln(1+r_i)}$, где t – количество лет, необходимое для конвергенции; и Y_i и Y_j – исходный уровень ВВП на душу населения по ППС в странах (объединениях) i и j ; r_i и r_j – предполагаемые среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения по ППС в странах (объединениях) i и j ; \ln – натуральный логарифм.

вают на одну интересную особенность: ожидаемые темпы экономического роста являются относительно более важными в деле сближения стран, чем исходный уровень. Например, Армения незначительно опережает Узбекистан по уровню ВВП на душу населения по ППС в 2018 г., однако примерно равные темпы прироста (5,7% против 6%) делают задачу сближения для Узбекистана проблематичной. Напротив, Узбекистану требуется существенно меньше времени, чтобы сблизиться со странами существенно превосходящими его по уровню ВВП на душу населения по ППС в настоящее время в силу существенно более высокой экономической динамики.

Примечания

1. Средний уровень ВВП на душу населения по ППС для группы стран на графике равен 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами.
2. Расчеты авторов на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 10 – Траектории перехода относительно среднего уровня по группе стран для ВВП на душу населения по ППС

Данные, представленные на рисунках 8 и 9 дают лишь общее представление о взаимной динамике уровню ВВП на душу населения по ППС по рассматриваемой группе стран и не позволяют дать четкий ответ на вопрос, происходит ли между всеми странами реальная конвергенция; если нет, то существуют ли определенные кластеры стран, между которыми все-таки происходит сближение и каковы основные параметры этого сближения. Ответы на поставленные вопросы может дать эконометрический анализ конвергенции (краткий обзор используемой методологии представлен в подразделе 2.2).

Результаты анализа реальной конвергенции представлены в графическом виде на рисунке 10 и обобщены в таблице 3⁷. Как видим, между странами ЕАЭС, а также Китаем и Узбекистаном отсутствует общая конвергенция (т.е. нельзя сказать, что все эти страны фактически сближаются по уровню ВВП на душу населения по ППС). Общей реальной конвергенции не наблюдается и в рамках ЕАЭС.

В то же время, как следует из рисунка 10, имеет место клубная реальная конвергенция. В рамках ЕАЭС выделяется кластер из трех стран – России, Казахстана и Беларуси. Армения и Кыргызстан демонстрируют дивергенцию. В данном случае клубная конвергенция является относительной, т.е. происходит сближение темпов роста уровня ВВП на душу населения по ППС в трех странах ЕАЭС, но сами уровни все еще остаются различными. При добавлении к странам ЕАЭС Китая и Узбекистана картина несколько меняется. Формируется два кластера стран: первый включает Россию, Казахстан, Беларусь и Китай; второй – Армению и Узбекистан. Кыргызстан демонстрирует дивергенцию. Подобного рода классификацию достаточно сложно получить из простых графиков соответствующих показателей по рассматриваемым странам.

Таблица 3 – Реальная конвергенция: итоговые результаты анализа

Группы стран	Наличие конвергенции		Кластеры	Тип конвергенции
	общая	клубная		
ЕАЭС	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Беларусь, Казахстан, Россия <u>Дивергенция:</u> Армения, Кыргызстан	Относительная
ЕАЭС+Китай+ Узбекистан	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Беларусь, Казахстан, Россия, Китай <u>Клуб 2:</u> Армения, Узбекистан <u>Дивергенция:</u> Кыргызстан	Относительная

Примечание – Эконометрические оценки авторов на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

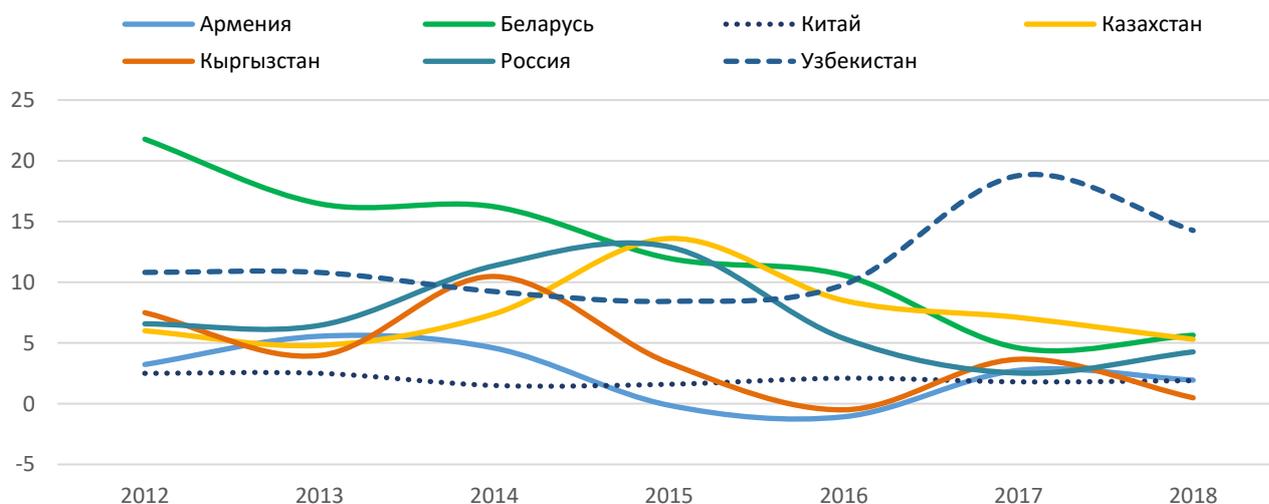
2.4 НОМИНАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

За последние три года в странах ЕАЭС инфляция не превышала однозначного числа (рисунок 11). Наиболее низкие значения наблюдались в Армении и Кыргызстане, где в отдельные

⁷ Эмпирический анализ конвергенции был выполнен при помощи специальной процедуры для оценки конвергенции и выделения клубных кластеров в программе Stata, <https://sites.google.com/site/kerrydu2016/home/stata-files> [6].

годы имела место даже дефляция. В Китае также инфляция была низкой и стабильной на протяжении длительного времени. В рассматриваемой группе стран (ЕАЭС, Китай и Узбекистан) только экономика Узбекистана характеризовалась весьма высокими уровнями инфляции за последние 3 года. Несмотря на заметное снижение инфляции в 2018 г., она оставалась двузначным числом (около 15%).

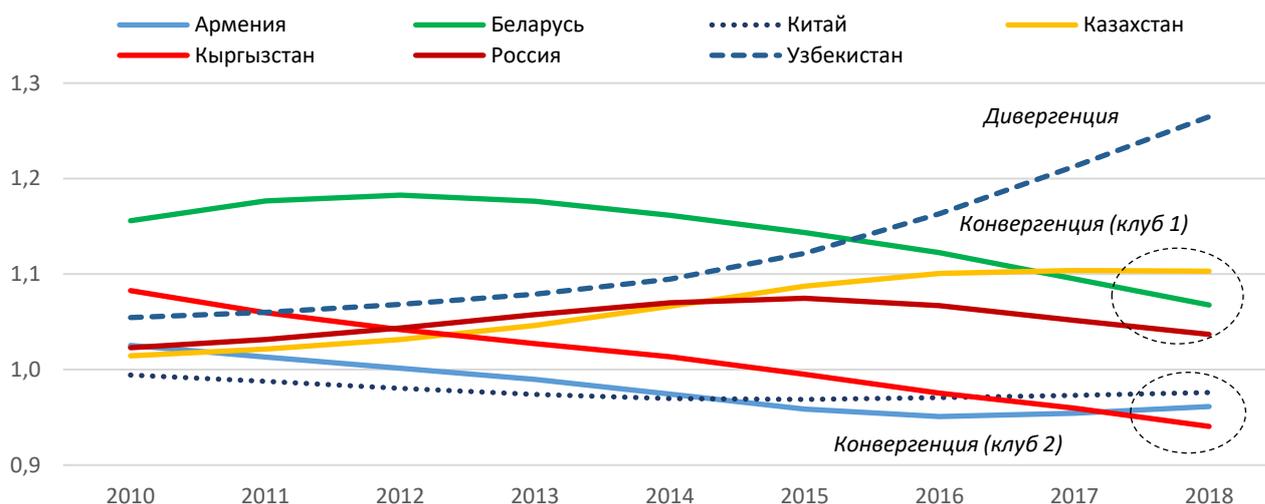
Анализ номинальной конвергенции в рассматриваемой группе стран показывает, что в рамках ЕАЭС общая номинальная конвергенция отсутствует. В то же время здесь сформировались два кластера стран: первый – Россия, Казахстан и Беларусь, где в 2018 г. уровень инфляции находился в диапазоне 4-6%, и второй – Армения и Кыргызстан, где уровень инфляции в 2018 г. не превышал 2%. Причем в первом случае конвергенция является относительной, а во втором – абсолютной (происходит сближение самих уровней, а не только их динамики). При добавлении к странам ЕАЭС Китая, он попадает во второй клуб стран с очень низкой инфляцией. Узбекистан в рассматриваемой группе стран демонстрирует номинальную дивергенцию и по уровню макроэкономической стабильности он явно отличается от стран ЕАЭС и Китая (рисунок 12 и таблица 4).

Примечания

1. Из-за сильных колебаний уровня инфляции по отдельным годам в ряде рассматриваемых стран данные для наглядности приведены только за последние 7 лет.
2. Построено на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 11 – Уровень инфляции на конец года, %

Примечания

1. Средний уровень инфляции для группы стран на графике равен 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами.
2. Расчеты авторов на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

Рисунок 12 – Траектории перехода относительно среднего по группе стран для уровня инфляции

Таблица 4 – Номинальная конвергенция: итоговые результаты анализа

Группы стран	Наличие конвергенции		Кластеры	Тип конвергенции
	общая	клубная		
ЕАЭС	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Беларусь, Казахстан, Россия <u>Клуб 2:</u> Армения, Кыргызстан	Относительная Абсолютная
ЕАЭС+Китай+ Узбекистан	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Беларусь, Казахстан, Россия <u>Клуб 2:</u> Армения, Кыргызстан, Ки- тай <u>Дивергенция:</u> Кыргызстан	Относительная Относительная

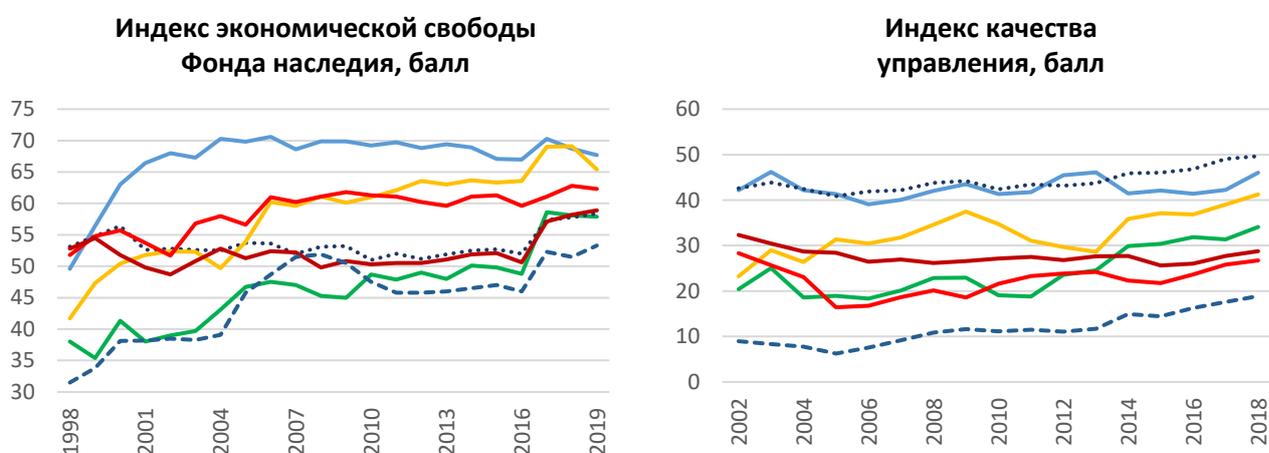
Примечание – Эконометрические оценки авторов на основе базы данных МВФ (World Economic Outlook Database) по состоянию на октябрь 2019 г.

2.5 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

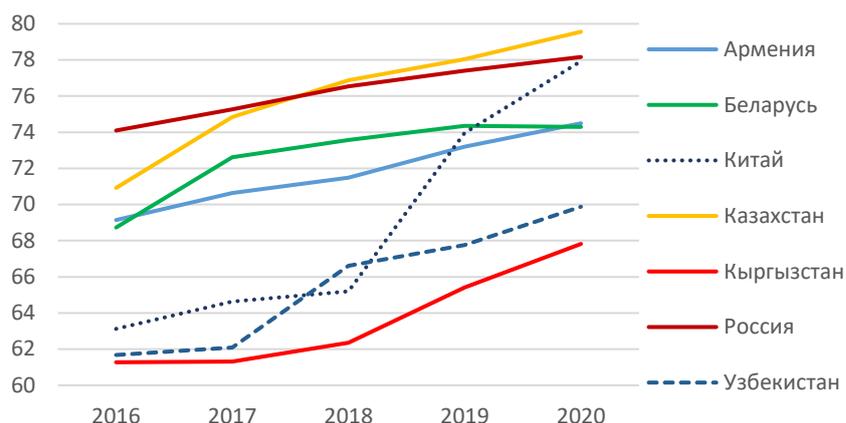
По индексу экономической свободы Россия и Беларусь имеют самые низкие баллы среди стран ЕАЭС, в то время как Армения и Казахстан – самые высокие. Ранее мы уже указывали на возможный политический уклон при определении индексов экономической свободы. Однако в рамках анализа конвергенции это обстоятельство, на наш взгляд, не должно иметь определяющего значения, поскольку нас интересует не столько сам рейтинг страны, сколько взаимная динамика этих рейтингов в рамках ЕАЭС. Китай имеет сходный балл с Россией и Беларусью, Узбекистан – самый низкий балл в рассматриваемой группе стран. Отметим, что все страны ЕАЭС, Китай и Узбекистан в 2019 г. по индексу экономической свободы находились в диапазоне от 53 до 68 баллов (рисунок 13).

По индексу качества государственного управления в ЕАЭС, как и в предыдущем случае, лидируют Армения и Казахстан, однако наиболее низкий балл здесь отмечается у Кыргызстана. Кроме того, данный показатель по Беларуси выше, чем по России. Страны ЕАЭС по этому показателю в 2018 г. находились в диапазоне от 27 до 46 баллов. Китай в рассматриваемой группе стран имеет самый высокий балл по индексу качества управления – около 50, а Узбекистан – самый низкий балл, равный примерно 19 (рисунок 13).

По показателю легкости ведения бизнеса для 2020 г. в ЕАЭС выделяются два лидера – Казахстан и Россия, за которыми следует Беларусь и Армения. Кыргызстан существенно отстает по этому показателю от остальных стран объединения. Китай имеет сходный балл с Казахстаном и Россией, а Узбекистан имеет более высокий балл, чем Кыргызстан, хотя и значительно отстает от других рассматриваемых стран. Страны ЕАЭС, Китай и Узбекистан по индексу экономической свободы для 2020 г. находились в диапазоне от 67 до 80 баллов (рисунок 13).

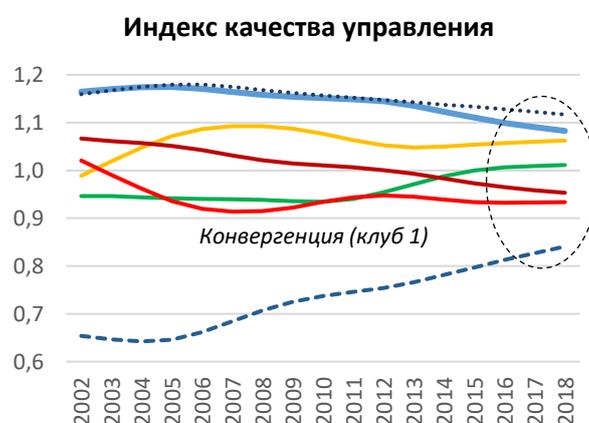
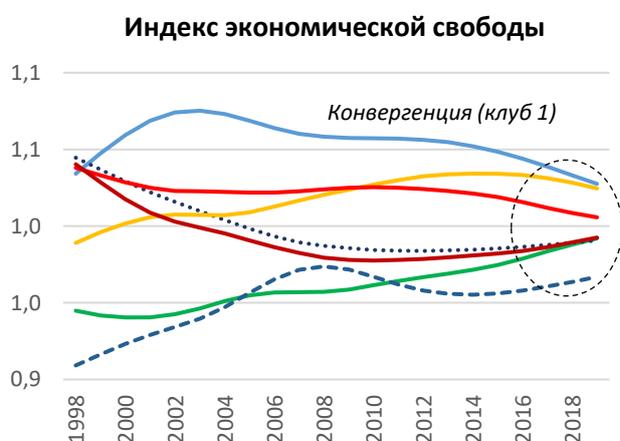
Показатель легкости ведения бизнеса, балл

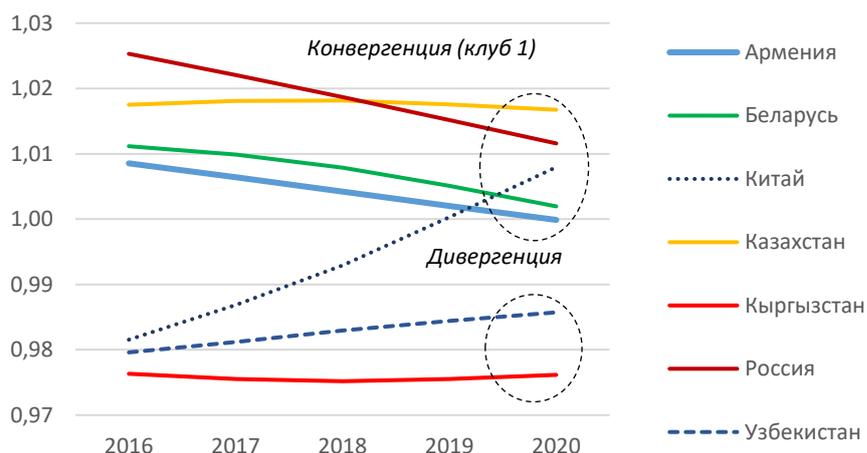
Примечание – Составлено и рассчитано на основе данных Фонда Наследия (Heritage Foundation) и Всемирного банка (The World Bank).

Рисунок 13 – Динамика показателей, характеризующих уровень экономической свободы, качество государственного управления и условия ведения бизнеса

Несмотря на различия между странами по индексу экономической свободы и качеству управления, по всем странам ЕАЭС, Китаю и Узбекистану наблюдается общая относительная конвергенция (происходит сближение темпов роста показателей, а их уровни остаются различными). Несколько иная ситуация наблюдается по показателю легкости ведения бизнеса. В рамках ЕАЭС формируется клуб, включающий в себя Армению, Беларусь, Казахстан и Россию. Конвергенция здесь является относительной. Кыргызстан при этом демонстрирует дивергенцию. При добавлении двух стран – Китая и Узбекистана, первая входит в клуб сближающихся стран, а вторая – вместе с Кыргызстаном в группу стран, где наблюдается дивергенция с рассматриваемыми странами (рис. 14 и табл. 5).

Показатель легкости ведения бизнеса

Примечания

- 1 Средние уровни соответствующих показателей, характеризующих состояние институтов, для группы стран на графике равны 1. Выделенные в результате эконометрического тестирования клубы стран, между которыми была выявлена конвергенция, обозначены пунктирными овалами.
- 2 Расчеты авторов на основе данных Фонда Наследия (Heritage Foundation) и Всемирного банка (The World Bank).

Рисунок 14 – Траектории перехода относительно среднего уровня по группе стран показателей, характеризующих состояние институтов

Таким образом, между странами ЕАЭС, а также Китаем и Узбекистаном происходит клубная реальная конвергенция (за исключением Кыргызстана), клубная номинальная конвергенция (за исключением Узбекистана), общая институциональная конвергенция (по показателям экономической свободы и качества управления) и клубная по показателю легкости ведения бизнеса (за исключение Кыргызстана и Узбекистана).

Таблица 5 – Институциональная конвергенция: итоговые результаты анализа

Группы стран	Наличие конвергенции		Кластеры	Тип конвергенции
	общая	клубная		
Индекс экономической свободы				
ЕАЭС ЕАЭС+Китай+ Узбекистан	да	нет	<u>Клуб 1</u> : Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия+ Китай+ Узбекистан	Относительная

Индекс качества управления				
ЕАЭС ЕАЭС+Китай+ Узбекистан	да	нет	<u>Клуб 1:</u> Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия+ Китай+ Узбекистан	Относительная
Показатель легкости ведения бизнеса				
ЕАЭС	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Армения, Беларусь, Казахстан, Россия <u>Дивергенция:</u> Кыргызстан	Относительная
ЕАЭС+Китай+ Узбекистан	нет	да	<u>Клуб 1:</u> Армения, Беларусь, Казахстан, Россия, Ки- тай <u>Дивергенция:</u> Кыргызстан, Узбекистан	Относительная

Примечание – Эконометрические оценки авторов на основе данных на основе данных Фонда Наследия (Heritage Foundation) и Всемирного банка (The World Bank).

Какие выводы можно сделать из полученных результатов? Успешность региональных интеграционных объединений определяется, во-первых, ростом объемов взаимной торговли товарами и услугами, а также потоками рабочей силы и взаимных инвестиций (если предусматривается снятие барьеров на рынках труда и капитала), во-вторых, это конвергенция основных экономических показателей стран-членов региональных интеграционных объединений.

Экономическая конвергенция является одной из важнейших предпосылок глубокой интеграции стран, входящих в объединения, поскольку рост уровня экономического развития и его последовательное сближение между странами – это одна из основных задач интеграционной политики. В то же время сближение макроэкономических условий, создание эффективных экономических институтов и координация проводимой экономической политики выступают залогом устойчивого экономического роста стран в рамках интеграционных объединений.

Анализ показывает, что реальная, номинальная и институциональная конвергенция присуща в той или иной степени всем рассматриваемым региональным интеграционным объединениям. ЕАЭС является типичным региональным интеграционным объединением, включающим

страны с различным уровнем экономического развития, между которыми наблюдаются различные формы сближения⁸. Практически все региональные интеграционные объединения включают страны лидеры и страны аутсайдеры. Зачастую в рамках объединений находятся страны, которые по рассмотренным показателям конвергенции пока еще не находятся в состоянии явно выраженного сближения и не входят в интеграционные клубы.

В подавляющем большинстве региональных интеграционных объединений речь идет о конвергенции темпов роста рассматриваемых показателей. При этом различия в самих уровнях этих показателей могут оставаться значительными. Это говорит о том, что различия в уровнях экономического и институционального развития могут сохраняться в объединениях на протяжении достаточно долгого времени.

Ни в одном региональном интеграционном объединении не наблюдается общей реальной конвергенции. В частности, анализ данных ЕС показывает глубокие различия между странами, которые скрываются за общей благоприятной картиной. Стандартной ситуацией в региональных интеграционных объединениях, включая ЕАЭС, является наличие клубной конвергенции. При добавлении к странам ЕАЭС Китая и Узбекистана наблюдается два кластера стран: первый включает Россию, Казахстан, Беларусь и Китай; второй – Армению и Узбекистан. Кыргызстан демонстрирует дивергенцию.

Общая номинальная конвергенция наблюдается в большинстве региональных интеграционных объединениях. Однако анализ показывает отсутствие общей конвергенции по уровню инфляции в более развитых странах ЕС (в менее развитых странах она имеет место). При добавлении к странам ЕАЭС Китая, он попадает во второй клуб стран с очень низкой инфляцией. Узбекистан в рассматриваемой группе стран демонстрирует номинальную дивергенцию, т.е. по уровню макроэкономической стабильности он явно отличается от стран ЕАЭС и Китая.

Общая институциональная конвергенция по индексу экономической свободы также наблюдается не во всех интеграционных объединениях. Например, при разбиении стран ЕС на две подгруппы («старые» и «новые» страны) наблюдается лишь клубная конвергенция. В других региональных интеграционных объединениях наблюдается лишь клубная конвергенция. Похожая ситуация характерная и для другого показателя институциональной конвергенции – показателя легкости ведения бизнеса. Несмотря на различия между странами по индексу экономической свободы и качеству управления, по всем странам ЕАЭС, Китаю и Узбекистану наблюдается

⁸ На основе неопубликованного доклада Центра интеграционных исследований ЕАБР «Крупнейшие региональные интеграционные объединения: способствует ли интеграция сближению экономик?»

общая относительная конвергенция. По показателю легкости ведения бизнеса в рамках ЕАЭС формируется клуб, включающий в себя Армению, Беларусь, Казахстан и Россию. Кыргызстан при этом демонстрирует дивергенцию. При добавлении двух стран – Китая и Узбекистана, первая входит в клуб сближающихся стран, а вторая – вместе с Кыргызстаном в группу стран, где наблюдается дивергенция с рассматриваемыми странами.

В этом контексте ЕАЭС похож на другие региональные интеграционные объединения. Очевидно, что по уровню ВВП на душу населения Армения и особенно Кыргызстан отстают от клуба лидеров (Беларусь, Казахстан, Россия). Однако такая ситуация типична и для других интеграционных объединений. Поэтому можно сделать вывод, что с точки зрения мирового интеграционного опыта различия в уровнях экономического развития не являются препятствием для формирования нормально функционирующих региональных интеграционных объединений. В частности, показатели Узбекистана существенно отличаются от стран-лидеров ЕАЭС, но в то же время сопоставимы или превосходят показатели Кыргызстана – государства-члена ЕАЭС.

3 ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ

3.1 ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

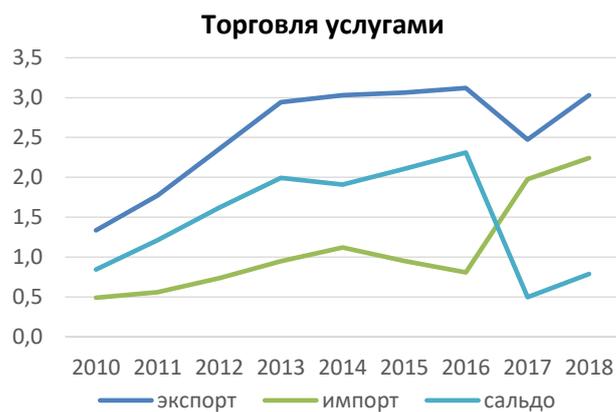
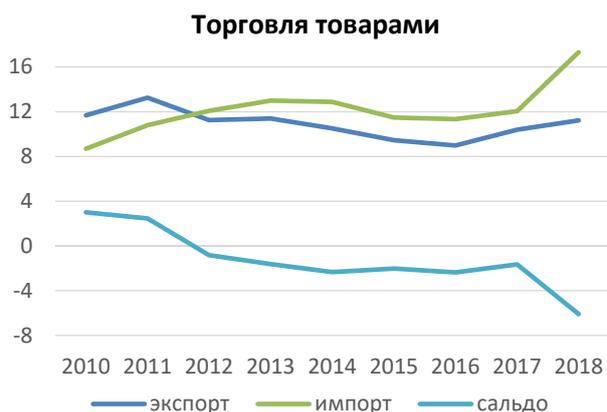
Узбекистан является малой открытой экономикой, традиционно имеющей относительно высокие показатели открытости внешней торговли (отношение экспорта и импорта к ВВП) в Центральной Азии (рисунок 15). Однако в 2010-2016 гг. они существенно снизились до 11% по экспорту и 13,9% по импорту, и только с началом реформ в Узбекистане степень внешнеторговой открытости стала увеличиваться и возвращаться к уровню 2010 г. В 2018 г. страна находилась на третьем месте в регионе по отношению экспорта к ВВП. Открытость по импорту существенно увеличилась, но была значительно ниже, чем у Кыргызстана и Таджикистана.

Примечание – Расчеты авторов на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, COMTRADE.

Рисунок 15 – Показатели внешнеторговой открытости, %

В 2010-2018 гг. динамика торговли товарами характеризовалась опережающими темпами роста импорта по сравнению с экспортом, что привело к появлению в 2012 г. отрицательного сальдо торгового баланса, достигшего в 2018 г. 6 млрд долл. США. В 2019 г. данная тенденция продолжилась, и по итогам одиннадцати месяцев 2019 г. дефицит торговли товарами составил 6,7 млрд долл. США. Отрицательное сальдо торговли товарами отчасти компенсировалось профицитом в торговле услугами. Однако, начиная с 2016 г., он стал резко сокращаться вследствие увеличения импорта услуг, связанных с поездками, а также транспортных услуг, обусловленных, в частности, ростом импорта товаров (рисунок 16).

Примечание – На основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 16 – Торговля товарами и услугами Узбекистана, млрд долларов США

Примечание – Расчеты авторов на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, доклада Перспективы развития мировой экономики МВФ (WEO).

Рисунок 17 – Динамика экспорта и импорта Узбекистана, %

Динамика экспорта Узбекистана была смешанной, в 2012 г., 2014-2016 гг. он сокращался в годовом выражении. Темпы роста объемов поставок на внешний рынок в большей степени были обусловлены ростом его средних цен за исключением 2017 г. (рисунок 17). Такое соотношение между темпами роста физических объемов и средних цен экспорта является свидетельством высокого удельного веса в экспортной корзине сырьевых и промежуточных товаров. До 2017 г. средние цены оказывали влияние и на динамику импорта, а затем его рост полностью объяснялся увеличением физических объемов. Это было связано со структурой ввоза товаров в Узбекистан, высокую долю в котором занимала продукция производственно-технического назначения.

3.2 ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ТОРГОВЛИ

В 2010-2018 гг. Узбекистан не смог увеличить географическую диверсификацию торговли. Индекс Херфиндаля-Хиршмана по рынкам, рассчитанный для экспорта Узбекистана на основе COMTRADE, практически не изменился и составлял 0,1614 в 2010 г. и 0,1610 в 2018 г. В то же время, как в экспорте, так и в импорте происходило перераспределение структуры торговых потоков. В частности, в экспорте существенно сократился удельный вес стран ЕАЭС с 40,8% в 2010 г. до 30% в 2018 г. Данная тенденция продолжилась и в 2019 г. В первую очередь это было связано с резким падением доли России с 32,6% в 2010 г. до 15,5% в 2018 г. Одним из важнейших направлений экспортных потоков Узбекистана стал Китай, роль которого существенно выросла с 7,9% в 2010 г. до 19,3% в 2018 г. Аналогичные тенденции также наблюдались и в структуре импорта, где Китай увеличил свою долю с 14,4% до 22,6% соответственно, в то время как Россия и Казахстан – сократили (таблица 6).

Таблица 6 – Географическая структура торговли Узбекистана, %

Направление	Экспорт			Направление	Импорт		
	2010	2018	2019(11)		2010	2018	2019(11)
ЕАЭС	40,8	30,9	28,1	ЕАЭС	34,6	31,4	28,7
Россия	32,6	15,5	13,2	Россия	21,6	19,5	17,9
Казахстан	7,2	12,1	9,9	Казахстан	11,2	8,9	8,8
вне ЕАЭС	59,2	69,1	71,9	вне ЕАЭС	65,4	68,6	71,3
Китай	7,9	19,3	16,0	Китай	14,4	20,6	23,2
Турция	6,1	7,7	7,8	Корея	16,4	11,2	11,7
				Германия	4,6	4,0	4,1

Примечание – Расчеты авторов по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Несмотря на то, что в 2010-2018 гг. товарная диверсификация торговли Узбекистана увеличилась, значимость новых товаров для экспорта была невысокой. Товарная структура поставок на внешние рынки характеризовалась доминированием в них сырьевых товаров, в частности, золота⁹ и энергоносителей, которые вместе составили 49,7% в общем объеме экспорта в 2018 г.

Согласно данным «Узбекнефтегаза», страна экспортирует 20% добываемого газа, одними из основных потребителей которого являются Китай¹⁰ и Россия¹¹. Однако производство углеводородов в Узбекистане испытывает ряд проблем, которые могут повлиять на экспортный потенциал страны. В частности, в стране в 2018 г. отмечалось падение добычи нефти на 8,2% г/г¹² в

⁹ По данным World Gold Council Узбекистан в 2019 г. стал мировым лидером по экспорту золота.

¹⁰ В 2018–2020 гг. запланировано довести ежегодный объем поставок газа в Китай до 10 млрд. м³.

¹¹ Начиная с 2018 г. в течение пяти лет Узбекистан будет ежегодно поставлять в Россию 4 млрд. м³ газа.

¹² Для загрузки нефтеперерабатывающих заводов Узбекистан импортировал в 2018 г. нефть из России и Казахстана.

связи с истощением запасов действующих месторождений, а средний показатель замещения природных резервов природного газа за истекшие 5 лет составил около 70%¹³. Данный сектор нуждается в масштабных инвестициях в геологоразведочные работы, модернизации действующих и открытии новых месторождений, а также в увеличении глубины переработки нефтегазового сырья и производстве из нее продукции с высокой добавленной стоимостью. В стране пока глубоко перерабатывается только 2% природного газа для получения продукции с высокой добавленной стоимостью, однако планируется увеличение этого показателя в 7 раз в течение следующих 10 лет за счет привлечения прямых иностранных инвестиций¹⁴. В частности, правительством Узбекистана планирует реализовать в стране до 2030 г. 30 инвестиционных проектов на сумму 36,5 млрд долл. США по геологоразведочным работам, добыче и глубокой переработке углеводородов. Без этого имеющиеся запасы углеводородного сырья в ближайшие 10-15 лет могут сократиться вдвое¹⁵.

Важнейшим экспортным товаром Узбекистана также является золото. В 2018 г. его удельный вес составлял 25,9%, а в 2019 г. (9 месяцев) увеличился до 29,1%¹⁶. В структуре экспорта химической промышленности около 20% занимают поставки урана¹⁷, потребителями которого являются США, Япония, Южная Корея и Индия.

Таким образом, как показывают расчеты, сделанные по данным COMTRADE, с точки зрения технологической структуры в экспорте Узбекистана 72% составляет сырье и товары, произведенные на основе природных ресурсов. Однако доля последней из вышеназванных групп товаров снизилась по сравнению с 2010 г. в первую очередь из-за сокращения в нем удельного веса хлопка с 13,3% до 2% и роста значимости текстильной продукции с 5,5% до 14,3%. К 2020 г. страна ставит задачу полностью уйти от экспорта хлопка-сырца¹⁸, а к 2025 г. хлопка-волокна, а также пряжи¹⁹ и перейти к поставкам на внешние рынки только готового текстиля, в результате планируется увеличение его экспорта в 4 раза. В то же время надо отметить, что доля машин и оборудования в экспорте сократилась с 6,1% до 1,9% за анализируемый период. Это было одним

¹³ <https://kun.uz/ru/news/2019/07/12/na-skolko-let-xvatit-gaza-i-nefti-uzbekistanu>. Самым высоким показателем добычи газа был в 2008 г.

¹⁴ <https://president.uz/ru/lists/view/2148>.

¹⁵ <https://president.uz/ru/lists/view/2148>.

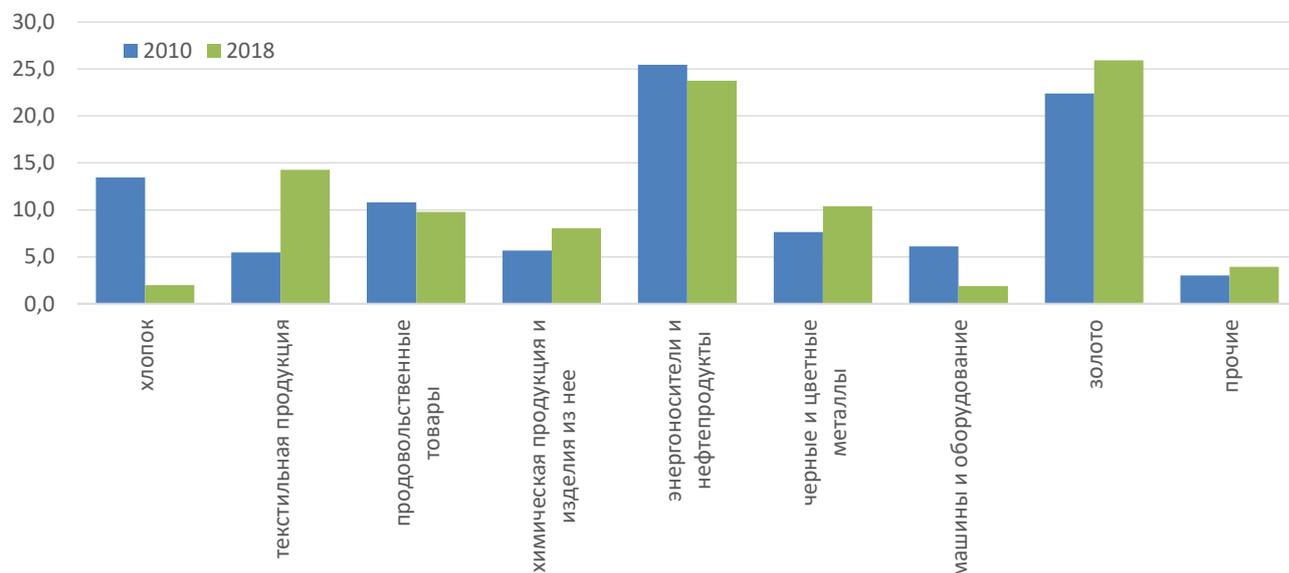
¹⁶ Согласно оценкам Госкомгеологии, в Узбекистане в промышленной разработке находятся девять месторождений золота (с суммарными разведанными запасами более 2500 тонн) из имеющихся 63. Вероятные запасы золота по категориям C1 и C2 – 5990 тонн.

¹⁷ По данным Агентства по ядерной энергетике и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), запасы урана в Узбекистане составляют 1,8% от мировых, страна находится на седьмом месте в мире по запасам урана и на пятом по его добыче. По данным Госкомгеологии Узбекистана, разведанные и оцененные запасы урана составляют около 190 тысяч тонн, из которых более 140 тысяч тонн – уран месторождений песчаникового типа (<https://1prime.ru/energy/20190618/830082728.html>).

¹⁸ <https://www.zakon.kz/4989583-uzbekistan-prekratit-eksport-hlopka.html>.

¹⁹ <https://uz.sputniknews.ru/economy/20180904/9312035/Uzbekistan-hlopok-export.html>.

из факторов, повлиявших на снижение доли среднетехнологичной продукции в поставках на внешние рынки (рисунок 18). В целом по Индексу экономической сложности экспорта, который рассчитывается Harvard Growth Lab, Узбекистан находился в 2017 г. на 86 месте из 133 стран и опустился за 10 лет на 9 позиций вниз²⁰.

Примечание – Расчеты авторов по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 18 – Товарная структура экспорта Узбекистана в 2010–2018 гг., %

В товарной структуре экспорта по основным странам-партнерам в 2010-2018 гг. также происходили изменения. Например, в поставках в Китай стало преобладать топливо, удельный вес которого увеличился до 60,8%. В то же время существенно снизилась доля текстиля, а также химической продукции. Последнее было обусловлено прекращением поставок урана. В целом товарная концентрация экспорта в Китай находилась на очень высоком уровне и составляла 0,3821 (индекс Херфиндаля-Хиршмана). В структуре экспорта в ЕАЭС также значительно увеличилась доля топлива. В результате в России и Казахстане она достигла в 2018 г. 36% и 44,3% соответственно. Россия также стала больше импортировать из Узбекистана текстиль, резиновые и пластмассовые изделия. У Казахстана заметно вырос ввоз узбекских продуктов растительного происхождения, составивших в 2018 г. 32,6%. Таким образом, экспорт Узбекистана в ЕАЭС, в частности, в Россию и Казахстан сдвигался в сторону сырьевых товаров, в то время как доля химической продукции, металлов, продукции машиностроения и транспорта постоянно сокращалась (таблица 7).

²⁰ Для сравнения: Россия в данном рейтинге находится на 49 месте.

Таблица 7 – Товарная структура экспорта по основным странам-партнерам, %²¹

ТНВЭД	Китай			ЕАЭС			Россия			Казахстан		
	2010	2017	2018	2010	2017	2018	2010	2017	2018	2010	2017	2018
01-05_ Живые животные, продукты животного происхождения	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
06-15_ Продукты растительного происхождения	1,5	3,2	3,2	24,2	18,4	20,8	29,0	8,1	10,2	16,5	34,3	32,6
16-24_ Пищевая продукция	0,0	0,2	0,1	2,3	2,1	1,5	2,0	2,1	1,2	3,1	2,0	1,5
25-26_ Минеральные продукты	0,1	0,3	0,0	1,4	0,7	0,9	0,0	0,1	0,0	5,9	1,7	2,3
27-27_ Топливо	1,7	44,4	60,8	12,3	32,0	36,2	0,0	32,1	35,9	44,9	37,8	44,3
28-38 Химическая продукция	35,8	1,0	0,2	4,8	3,0	1,9	1,3	0,7	0,6	7,2	4,3	2,5
39-40_ Резиновые и пластмассовые изделия	0,8	7,6	3,9	3,1	7,2	7,7	3,3	8,3	9,4	3,1	5,7	5,9
41-43_ Шкуры, кожевенное сырье	0,4	7,1	5,4	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
44-49_ Изделия из дерева	0,0	0,0	0,0	0,3	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3
50-63_ Текстиль, одежда	59,6	24,9	18,8	17,2	25,5	22,3	21,7	37,1	34,4	2,7	5,2	3,3
64-67_ Обувь	0,0	0,0	0,0	0,1	0,5	0,4	0,0	0,3	0,2	0,2	0,4	0,3
68-71_ Продукция из стекла и камня	0,0	0,0	0,0	0,5	1,5	1,1	0,0	1,5	1,3	1,9	1,3	0,8
72-83_ Металлы	0,0	10,0	7,5	4,0	1,8	2,9	4,3	1,8	3,1	4,1	1,0	2,1
84-85_ Продукция машиностроения	0,0	1,0	0,1	5,6	1,8	1,6	6,6	1,6	1,3	3,7	1,6	1,6
86-89_ Транспорт	0,0	0,0	0,0	23,0	4,9	1,7	30,1	6,0	2,1	5,7	3,8	1,5
90-99_ Прочие	0,0	0,0	0,0	0,9	0,2	0,4	1,2	0,0	0,1	0,5	0,5	0,9

Примечание – Расчеты авторов на основе данных COMTRADE.

Структура импорта Узбекистана по основным странам-партнерам существенно различалась. В поставках из Китая значительно выросла доля машиностроения (50,1% в 2018 г.). В импорте из ЕАЭС данная группа товаров, наоборот, сокращалась. Например, в поставках из России она уменьшилась с 22,0% в 2010 г. до 13,4% в 2018 г. Значимую роль в структуре импорта из ЕАЭС играли металлы, доля которых увеличивалась, особенно в торговле с Казахстаном, из этой страны также заметно вырос импорт продукции растительного происхождения. В поставках из России, помимо металлов, высокой была доля изделий из дерева (таблица 8).

²¹ Расчеты за 2010 г. выполнены на данных зеркальной статистики.

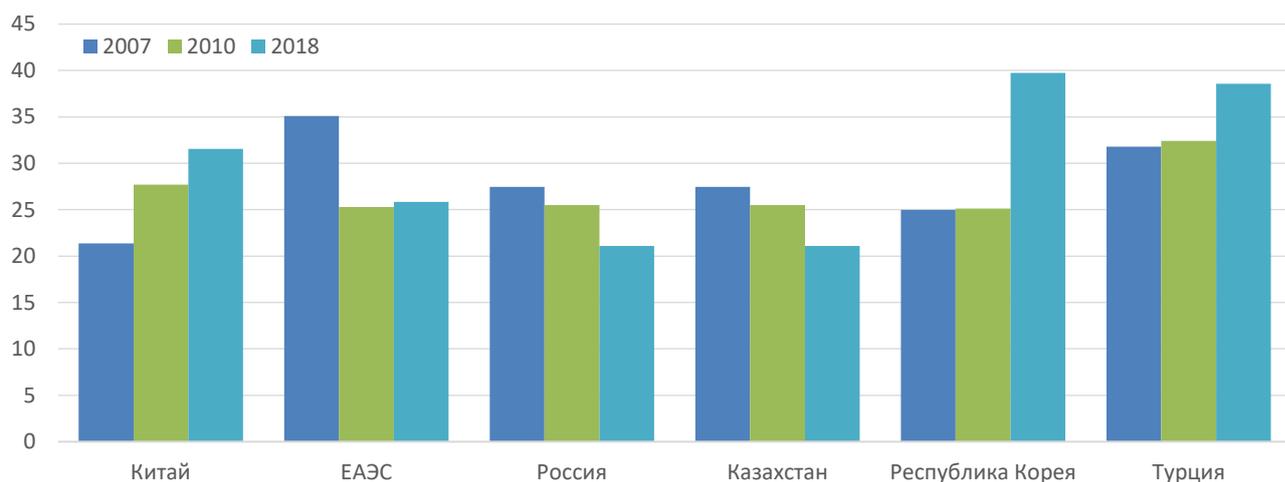
Таблица 8 – Товарная структура импорта по основным странам-партнерам²²

ТНВЭД	Китай			ЕАЭС			Россия			Казахстан		
	2010	2017	2018	2010	2017	2018	2010	2017	2018	2010	2017	2018
01-05_ Живые животные, продукты животного происхождения	0,2	0,1	0,2	0,3	0,3	0,8	0,4	0,2	0,2	0,0	0,1	1,7
06-15_ Продукты растительного происхождения	2,2	1,6	1,5	14,3	13,4	13,0	5,9	5,4	5,2	28,1	37,3	34,4
16-24_ Пищевая продукция	0,4	0,3	0,1	2,5	3,5	5,3	1,7	4,0	6,4	1,6	2,8	3,8
25-26_ Минеральные продукты	0,2	0,1	0,1	3,7	2,9	4,3	1,0	0,6	0,8	7,7	9,0	11,6
27-27_ Топливо	0,2	0,0	0,1	20,4	16,7	11,4	3,4	18,5	10,7	48,2	12,4	13,3
28-38 Химическая продукция	5,7	8,8	7,3	5,5	5,5	4,8	8,5	7,3	6,8	0,8	0,8	1,1
39-40_ Резиновые и пластмассовые изделия	10,6	8,7	8,6	2,8	3,0	2,7	4,0	3,7	3,9	0,8	0,8	0,8
41-43_ Шкуры, кожевенное сырье	0,2	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
44-49_ Изделия из дерева	1,6	1,6	1,3	13,3	14,6	13,5	22,0	20,7	20,5	0,9	0,9	1,5
50-63_ Текстиль, одежда	10,6	5,5	5,0	0,4	0,5	0,4	0,4	0,5	0,4	0,2	0,1	0,1
64-67_ Обувь	0,9	1,0	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
68-71_ Продукция из стекла и камня	4,0	1,4	1,2	1,0	2,3	2,3	1,4	3,0	2,3	0,1	0,1	2,0
72-83_ Металлы	15,7	13,7	12,9	17,8	23,4	23,8	23,4	20,9	24,3	10,4	33,2	28,6
84-85_ Продукция машиностроения	31,8	47,0	50,1	13,6	9,1	9,2	22,0	11,6	13,4	0,7	2,4	0,9
86-89_ Транспорт	8,8	4,2	5,6	2,8	4,1	7,8	3,2	2,5	3,9	0,4	0,0	0,1
90-99_ Прочие	6,8	5,9	5,5	1,5	0,9	0,8	2,6	1,1	1,1	0,1	0,1	0,2

Примечание – Расчеты авторов на основе данных COMTRADE.

О перспективах развития взаимной торговли также свидетельствует индекс комплементарности торговли, который показывает, насколько экспортный профиль страны совпадает с импортными профилями стран-партнеров. Как показывают данные (рисунок 19), индекс комплементарности торговли со странами ЕАЭС и, в частности, с Россией и Казахстаном снижался и был существенно ниже, чем с Китаем, Кореей и Турцией, у которых он рос. Низкие значения данного индекса и его уменьшение со странами ЕАЭС означают существование ограничений для устойчивой положительной динамики торговли, поскольку структура и качество экспорта не соответствует растущему промышленному и потребительскому спросу в странах-партнерах.

²² Расчеты за 2010 г. выполнены на данных зеркальной статистики.

Примечание – Расчеты авторов на основе данных WITS/COMTRADE.

Рисунок 19 – Индекс комплементарности торговли Узбекистана со странами-партнерами

3.3 ПОКАЗАТЕЛИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Одними из показателей, характеризующих состав экспорта страны по отношению к остальному миру, являются индексы выявленных сравнительных преимуществ (ВСП – RCA), которые показывают наличие или отсутствие относительных преимуществ при производстве того или иного экспортного товара²³. Таким образом, в определенной степени данные индексы могут служить в качестве индикаторов конкурентоспособности товаров на внешних рынках. Показатель индекса выше единицы говорит о том, что доля экспорта данного товара страны превышает среднемировые значения, т.е. у страны имеются сравнительные преимущества при производстве данного товара.

В 2010-2018 гг. в Узбекистане не произошло существенного улучшения сравнительных преимуществ или возникновения новых по несырьевым товарам. В торговле с Китаем они появились только по топливу, металлам, шкурам и кожевенному сырью, а по текстилю и одежде снизились. В странах ЕАЭС набор сравнительных преимуществ был шире. Например, в России в 2018 г. конкурентоспособными были текстиль и одежда, резиновые и пластмассовые изделия, продукция стекла и камня, а также продукция растительного происхождения. Все это может служить основой для дальнейшего развития торговли между странами (таблица 9).

²³ Индекс выявленных сравнительных преимуществ (RCA) рассчитывался по формуле Бела-Баласса (Bela-Balassa). Значение индекса RCA, превышающее единицу, свидетельствует о наличии сравнительных преимуществ и наоборот.

*Таблица 9 – Индексы выявленных сравнительных преимуществ в торговле
с основными странами-партнерами*

Товарные группы	Китай		ЕАЭС		Россия		Казахстан	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018	2010	2018
01-05_ Живые животные, продукты животного происхождения	0,0	0,0	0,03	0,04	0,03	0,05	0,06	0,03
06-15_ Продукты растительного происхождения	0,51	0,57	5,07	5,05	5,42	3,15	6,32	9,71
16-24_ Пищевая продукция	0	0,1	0,47	0,47	0,42	0,5	0,59	0,29
25-26_ Минеральные продукты	0,02	0,01	2,8	0,65	0,02	0,04	6,29	0,57
27-27_ Топливо	0,13	3,78	1,94	3,69	0,0	0,08	4,53	5,25
28-38 Химическая продукция	5,36	0,73	0,47	0,23	0,12	0,08	0,74	0,3
39-40_ Резиновые и пластмассовые изделия	0,14	0,98	0,66	1,84	0,71	2,69	0,66	1,17
41-43_ Шкуры, кожевенное сырье	0,78	1,73	0,15	0,11	0,17	0,2	0,13	0,02
44-49_ Изделия из дерева	0,01	0,01	0,12	0,22	0,13	0,2	0,11	0,11
50-63_ Текстиль, одежда	28,11	12,22	4,84	6,04	5,49	11,53	1,93	1,2
64-67_ Обувь	0,04	0	0,07	0,31	0,02	0,2	0,97	0,31
68-71_ Продукция из стекла и камня	0	0	0,34	0,9	0,03	1,32	0,76	0,4
72-83_ Металлы	0	1,27	0,54	0,44	0,66	0,45	0,37	0,27
84-85_ Продукци машиностроения	0	0	0,22	0,07	0,24	0,06	0,13	0,06
86-89_ Транспорт	0	0	2,17	0,16	2,66	0,2	0,5	0,16
90-99_ Прочие	0	0	0,08	0,13	0,09	0,08	0,07	0,2

Примечание – Расчеты авторов на основе данных COMTRADE.

3.4 ПРОСТРАНСТВО ТОВАРОВ

Для выявления потенциала диверсификации экспортной корзины Узбекистана может быть использована методология «пространства товаров», показывающая близость товарных групп, которые потенциально могут стать экспортными товарами. Она основана на подходах, предложенных в [7, 8, 9]. Поскольку для того, чтобы товар начал поставляться на внешние рынки, нужен большой набор факторов (труд, капитал, институциональные факторы и т.д.), то возможность производства нового товара определяется уже аккумулярованными способностями и теми, которые могут быть приобретены. Таким образом, на основе «пространства товаров» можно увидеть взаимосвязанность товаров в текущей экспортной корзине и направление диверсификации исходя из расстояния до ближайших потенциальных товаров. Как видно из рисунка 20, пространство товаров Узбекистана является разреженным, большинство товаров находится

на периферии пространства и имеет мало связей с соседними товарами (за исключением продукции сельского хозяйства и текстиля), что затрудняет диверсификацию экспорта.

Примечание – Построено на основе The Atlas of Economic Complexity at <http://atlas.cid.harvard.edu>.

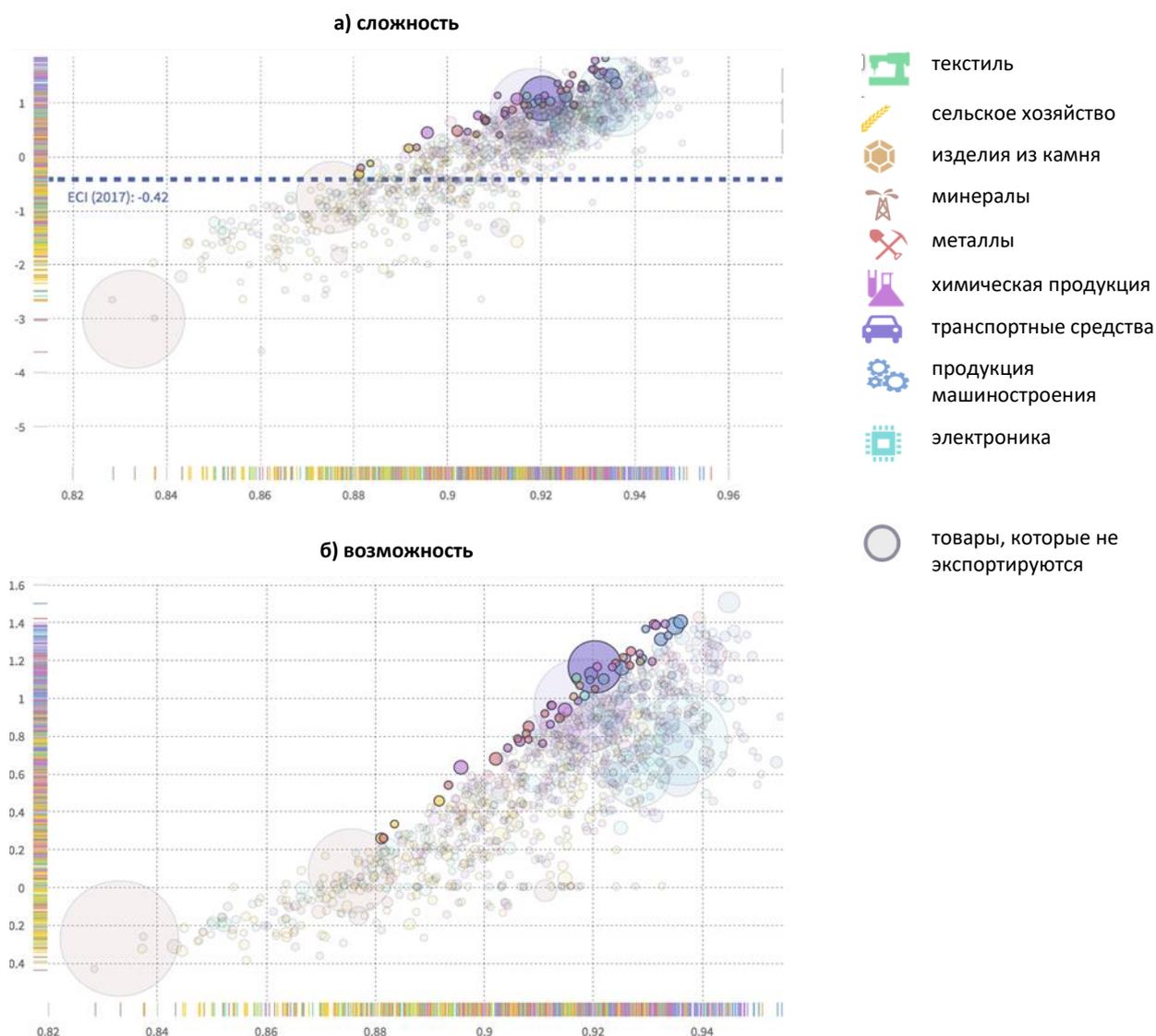
Рисунок 20 – Пространство товаров Узбекистана в 2017 г.

Потенциал диверсификации и роста экспорта зависит от сложности потенциального экспортного товара, которая положительно коррелирует с ВВП на душу населения и расстоянием между ним и текущей экспортной корзиной страны, т.е. имеющейся у страны на данный момент областью сравнительных преимуществ. Чем меньше данное расстояние, тем выше вероятность появления у потенциального товара сравнительных преимуществ. Показатель расстояния²⁴ измеряет возможность страны адаптировать имеющиеся факторы производства, а также профессиональные знания и навыки к производству нового товара, а также создавать институциональный потенциал и соответствующую бизнес-среду.

В Узбекистане 50% потенциальных товаров, по которым может происходить диверсификация, находятся на большом «расстоянии» от уже производимой и имеющей сравнительные преимущества продукции. Многие из них очень сильно удалены от нее (расстояние составляет 0,88-0,94), например, это относится к комплектующим для автомобилей. Кроме того, большая часть (85%) потенциальных новых товаров имеет невысокую сложность. Возможность дальнейшей диверсификации в сторону более сложных товаров (рисунок 21) также достаточно ограни-

²⁴ Чем ближе расстояние к нулю, тем ближе текущий товар в экспортной корзине к потенциальному.

чена, поскольку те товары, у которых она высокая, находятся на удаленном расстоянии от текущей экспортной корзины. К тому же необходимо учитывать динамику мирового рынка для потенциального товара.

Примечание – Построено на основе *The Atlas of Economic Complexity* at <http://atlas.cid.harvard.edu>.

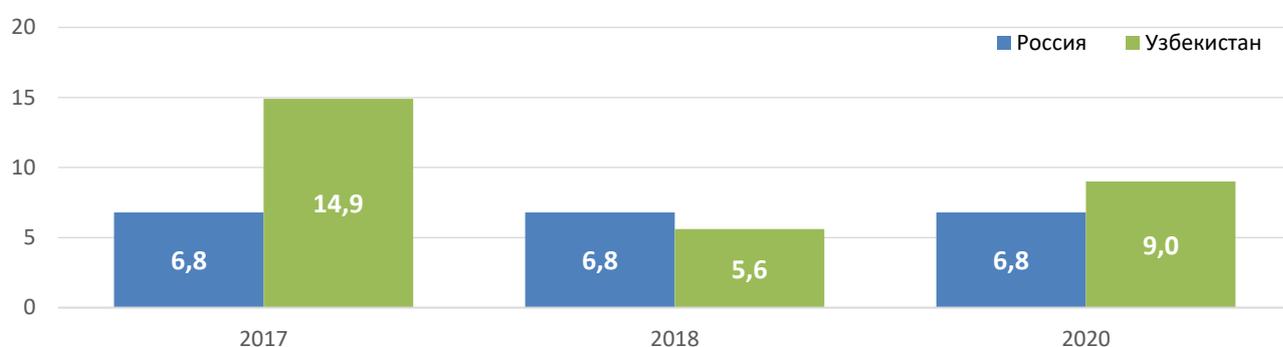
Рисунок 21 – Расстояние, сложность и возможность диверсификации экспорта Узбекистана в сторону более сложных товаров

Таким образом, с точки зрения комбинации расстояния, сложности, возможности диверсификации и ситуации на мировом рынке наиболее перспективными для Узбекистана являются, например, изделия из черных металлов (металлоконструкции из черных металлов, прокат, оборудование санитарно-техническое из черных металлов и т.д.), изделия из алюминия и меди, химическая продукция, например, изделия из вулканизированной резины, экстракты дубильные и красильные, нетканые материалы, пластмассы и изделия из них. Продукция машиностроения,

имеющая высокие показатели сложности и возможности диверсификации находится в настоящее время на достаточно большом расстоянии от текущей экспортной корзины.

4 ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

В 2017 г. Узбекистан пересмотрел таможенные тарифы, в результате чего среднеарифметическая пошлина снизилась с 14,9% до 5,6% (рисунок 22). Однако уже в 2018 г. уровень тарифной защиты стал усиливаться, и по 43 товарам произошло повышение импортных пошлин²⁵. В 2019 г. правительством был подготовлен проект об оптимизации импортных тарифов, который вступит в силу с 1 января 2020 г²⁶. Он предусматривает пересмотр пошлин на ряд товаров, в результате чего средний тариф будет повышен до 9% (рисунок 22). Количество товарных позиций, по которым применяется беспошлинный ввоз сократится с 62,7% до 40,1%²⁷ (в России нулевую пошлину имеют только 9,8% товарных линий по сельскохозяйственной продукции и 17% по промышленной).

Примечание – Данные Всемирной торговой организация (<https://mift.uz/ru/news/o-predlo-zhenijah-po-optimizatsii-stavok-importnyh-poshlin>).

Рисунок 22 – Средний арифметический импортный тариф Узбекистана и России, %

Важно отметить, что большой перечень²⁸ товаров, импортируемых в Узбекистан, облагаются также акцизным налогом²⁹, который установлен или в процентах от таможенной стоимости товара, или в долларах США. Ставки данного налога варьируют от 120% до 10%. Акцизный налог применяется также к товарам, поставляемым из СНГ. Из произведенных в Узбекистане товаров подакцизными являются только алкогольная продукция, бензин, масло растительное, сигареты,

²⁵ https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/v_2019_godu-_podorojaet_import_odejdy_tovarov_i_tehniki_dlya_doma.

²⁶ https://static.norma.uz/official_texts/2019/ПП-4470.pdf.

²⁷ <https://mift.uz/ru/news/o-predlozhenijah-po-optimizatsii-stavok-importnyh-poshlin>.

²⁸ Более 370 товаров.

²⁹ [https://nrm.uz/contentf?doc=447008_stavki_akciznogo_naloga_na_pdakciznye_tovary_zavozimye_na_territori-yu_respubliki_uzbekistan_\(prilojenie_n_13-2_k_postanovleniyu_prezidenta_ruz_ot_22_12_2015_g_n_pp-2455\)&proucts=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=447008_stavki_akciznogo_naloga_na_pdakciznye_tovary_zavozimye_na_territori-yu_respubliki_uzbekistan_(prilojenie_n_13-2_k_postanovleniyu_prezidenta_ruz_ot_22_12_2015_g_n_pp-2455)&proucts=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana).

драгоценные металлы, ювелирные изделия, нефтепродукты и природный газ, а также автомобили производства «Дженерал моторс Узбекистан». Ставки акцизов на импортные и узбекские товары существенно различаются.

При ввозе иностранных автомобилей необходимо помимо таможенных платежей (таможенной пошлины и таможенного сбора 0,5% от стоимости) уплатить акцизный налог, который также взимается с машин, произведенных в СНГ по ставке 2% и 3% сбора в республиканский дорожный фонд.

Узбекистан также широко применяет нетарифные барьеры. Например, на телевизоры, холодильники, кондиционеры и электроутюги, постельное белье, трикотаж, швейные и чулочно-носочные изделия, а также кожаную обувь введены ограничения на срок реализации товаров, в соответствии с которым данные товары должны быть проданы в течение года³⁰. В качестве нетарифного барьера используется также сертификация, подходы к которой различаются в зависимости от страны происхождения товара. В 2018 г. была отменена обязательная сертификация соответствия на товары, имеющие сертификаты, выданные аккредитованными органами стран-членов ОЭСР³¹. С 1 июля 2019 г. в Узбекистане также была отменена обязательная сертификация ввозимых грузовых и специальных автотранспортных средств, произведенных в ЕС и отвечающих требованиям «Евро-5» и «Евро-6», а также прицепов и полуприцепов, используемых для перевозок грузов автомобильным транспортом³².

Согласно статье 21 Закона Республики Узбекистана «О внешнеэкономической деятельности», Кабинет Министров Республики Узбекистан может устанавливать количественные ограничения (квоты) на экспорт и импорт отдельных товаров, распределение которых, как правило, должно осуществляться на конкурсной или аукционной основе. В данной статье также оговорено, что экспорт и импорт отдельных видов товаров может осуществляться только после получения соответствующего разрешения (лицензии) на их ввоз или вывоз.

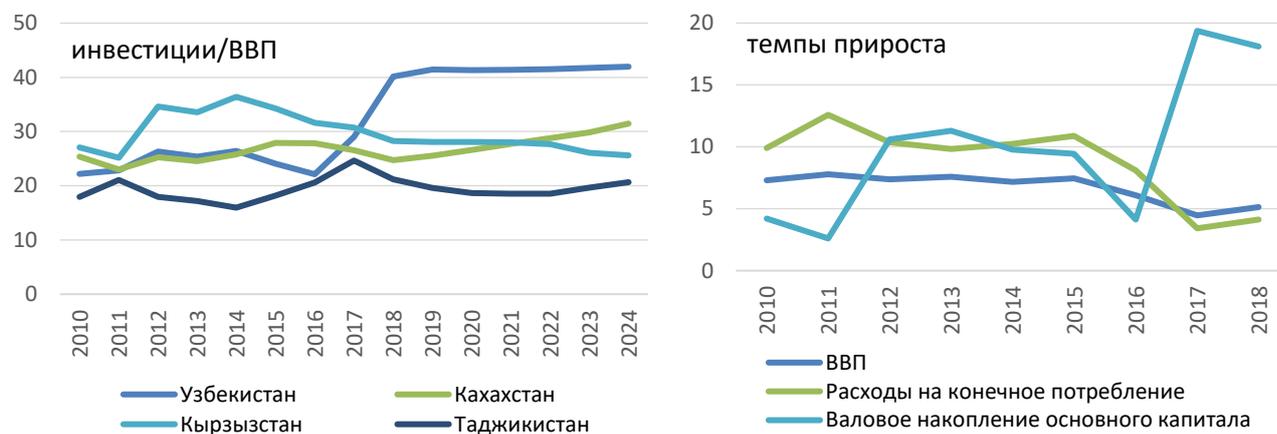
³⁰ Постановление Президента Республики Узбекистан от 26 апреля 2010 года N ПП-1326 «О мерах по дальнейшему совершенствованию организации деятельности дехканских рынков и торговых комплексов» (https://nrm.uz/contentf?doc=203581_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_26_04_2010_g_n_pp-1326_o_merah_po_dalneyshemu_sovershenstvovaniyu_organizacii_deyatelnosti_dehkanskih_rynkov_i_torgovyh_kompleksov&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana#п7утр).

³¹ Постановление Президента Республики Узбекистан от 29 июня 2018 г. № ПП-3818 «О мерах по дальнейшему упорядочению внешнеэкономической деятельности и совершенствованию системы таможенно-тарифного регулирования Республики Узбекистан» (<http://lex.uz/docs/3802366>).

³² Постановления Президента Республики Узбекистан от 6 марта 2019 г. № ПП-4230 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы грузовых и пассажирских перевозок» (<http://lex.uz/docs/4229771?query=тариф>).

5 ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Начиная с 2016 г. в Узбекистане отмечалось существенное увеличение инвестирования в основной капитал. В результате отношение инвестиций к ВВП составило в 2018 г. 40,2% и было самым высоким в регионе Центральной Азии. МВФ прогнозирует, что такие высокие показатели сохранятся до 2024 г. (рисунок 23).

Примечание – На основе данных World Economic Outlook (WEO), Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 23 – Инвестиции Узбекистана и стран Центральной Азии, %

Темпы прироста валового накопления капитала составили 19,4% в 2017 г. и 18,1% в 2018 г. в годовом выражении, превратившись в основной драйвер экономического роста. В январе-сентябре 2019 г. они еще больше ускорились до 46% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Наиболее высокими темпами росли централизованные инвестиции (на 59,9% г/г в 2018 г.), которые направлялись на реализацию крупных проектов, включенных в Государственную программу развития. Например, вложение средств государственных целевых фондов в экономику увеличилось в 2018 г. на 70,6%, в то время как средства бюджета снижались. Это привело к росту удельного веса централизованных инвестиций с 23,5% в 2017 г. до 32,1% в 2018 г. При этом почти половину из них составляли иностранные инвестиции и кредиты, привлекаемые под гарантию правительства, которые увеличились в 2018 г. в 2,8 раза г/г, а в первом полугодии 2019 г. – в 3,5 раза.

Данные инвестиции получали в основном государственные компании, реализующие как инфраструктурные проекты, такие как восстановление Аму-Бухарской ирригационной системы, внедрение автоматизированной системы учета и контроля электрической энергии, строительство новых и расширение действующих мощностей теплоэлектростанций, так и в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности (например, Шуртанский газохимический комплекс).

Кредиты коммерческих банков также росли высокими темпами (прирост на 31,1% в 2018 г. и 24,3% в первом полугодии 2019 г.). Одной из причин этого было целевое кредитование, которое осуществляли государственные банки³³ по ставкам ниже рыночных (средняя процентная ставка по рыночным кредитам составляла 21,8%, тогда как ставка по преференциальным кредитам была 8,4%) из средств, предоставляемых, в частности, Фондом реконструкции и развития Узбекистана [10], а также путем размещения государством депозитов и капитализации банков.

По оценкам МВФ, более половины роста кредитования в 2018 г. было обусловлено льготными кредитами, а в целом банки привлекали и вкладывали в экономику страны менее 10% негосударственных сбережений. Следует отметить, что такой подход при всей важности наращивания инвестиций в экономику, во-первых, искажал конкуренцию на рынке, поскольку льготные кредиты предоставлялись преимущественно государственным предприятиям и определенным секторам. Во-вторых, в связи с тем, что кредитование осуществлялось в валюте (56% от их объема) на фоне ее постепенного ослабления, это приводило к усилению валютных рисков. Даже несмотря на то, что государственным компаниям кредиты выдавались под гарантию правительства, риски их реструктурирования остаются высокими. По данным Fitch Ratings, в 2017 г. у государственных банков было реструктурировано 1,7 млрд долларов США кредитов, номинированных в иностранной валюте (12% от кредитов)³⁴. В-третьих, инвестиции, осуществляемые через льготные государственные кредиты, предоставляемые в основном предприятиям горнодобывающей, химической промышленности, транспорта и инфраструктуры (например, теплоэлектростанции), вероятно не окажут существенного влияния на создание новых рабочих мест, необходимых в связи с ростом экономически активного населения³⁵. В-четвертых, наблюдаемый «инвестиционный бум» привел к росту внешнеторгового дефицита.

Оценка динамики притока прямых иностранных инвестиций Узбекистана показывает, что начавшиеся в стране структурные реформы оказали влияние на их приток. Однако это не было устойчивой тенденцией, поскольку в 2018 г. произошло их существенное снижение как в абсолютном, так и в относительном выражении (в процентах к ВВП и к общему объему инвестиций). В Узбекистане в отличие от других стран региона в 2010-2018 гг.³⁶ прямые иностранные инвестиции играли менее значительную роль по сравнению с внутренними источниками валового

³³ Доля в активах банковской системы составляет 85%, в общем объеме кредитов – 89%.

³⁴ <https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/29/fitch>.

³⁵ Удельный вес занятых в промышленности в Узбекистане составлял 13,4%, в сельском хозяйстве – 27,2%.

³⁶ Такая же ситуация наблюдалась и в 2000–2009 гг.

накопления основного капитала и кредитами, привлекаемыми под гарантию правительства и направляемыми в экономику страны (рисунок 24).

Примечание – Расчеты авторов на основе данных World Economic Outlook (WEO).

Рисунок 24 – Абсолютные и относительные показатели чистого притока ПИИ, %

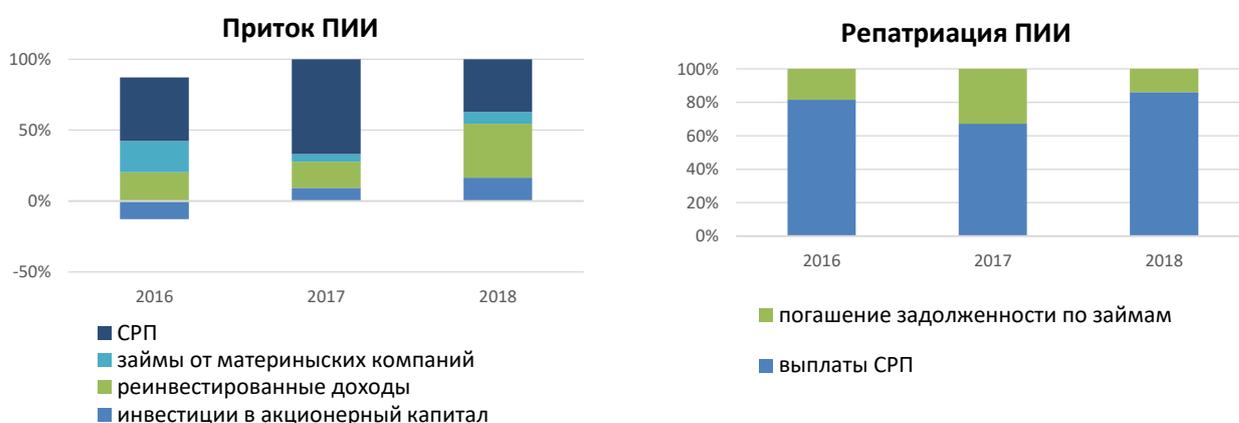
В структуре прямых иностранных инвестиций высока была доля поступлений в рамках соглашений о разделе продукции (СРП). Соглашение о разделе продукции является договором, в соответствии с которым Республика Узбекистан предоставляет иностранному инвестору (далее — инвестор) на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку месторождений и добычу полезных ископаемых на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск. (Закон Республики Узбекистан «О соглашениях о разделе продукции»)³⁷. Реализуются следующие соглашения:

- между Национальной холдинговой компанией «Узбекнефтегаз» и консорциумом инвесторов в составе закрытого акционерного общества «Зарубежнефтегаз» и компании «Gas Project Development Central Asia AG» по доработке месторождения «Шахпахты» (от 14 апреля 2004 г.);
- между Республикой Узбекистан и консорциумом инвесторов в составе открытого акционерного общества Нефтяная компания «Лукойл» и Национальной холдинговой компании «Узбекнефтегаз» в отношении участка Кандымской группы месторождений, участков Хаузак и Шады, а также Кунградского участка (от 16 июня 2004 г.);

³⁷ <http://www.lex.uz/acts/1352>.

- между Республикой Узбекистан и компанией «Союзнефтегаз Восток Лимитед» в отношении месторождений на территориях Юго-Западного Гиссара и Устюртского региона Узбекистана (от 23 января 2007 г.);
- между Республикой Узбекистан и консорциумом инвесторов в составе «Gas Project Development Central Asia AG», «Alt max Holding Ltd» и АО «Узнефтегаздобыча» в отношении инвестиционного блока «Узбекистан мустакиллиги» с доразведкой и разработкой месторождения «Мустакилликнинг 25 йиллиги» со строительством газохимического комплекса в Сурхандарьинской области (от 5 апреля 2017 г.);
- между Республикой Узбекистан и компанией «Газпром ЭП Интернэшнл Б.В.» в отношении месторождения Джел (от 18 октября 2018 г.).

В 2018 г. доля СРП уменьшилась в пользу реинвестированных доходов. Инвестиции в акционерный капитал выросли в 2018 г. на 24% по сравнению с предыдущим годом (рисунок 25). Однако их удельный вес общем притоке инвестиций оставался невысоким (16,5%). Узбекистан планирует разработать стратегию привлечения в нефтегазовую отрасль инвестиций от крупных компаний из Европы, Японии, США, Объединенных Арабских Эмиратов³⁸. Репатриация прибыли в основном осуществлялась в форме выплат СРП.

Примечание – Расчеты авторов на основе данных Центрального банка Узбекистана.

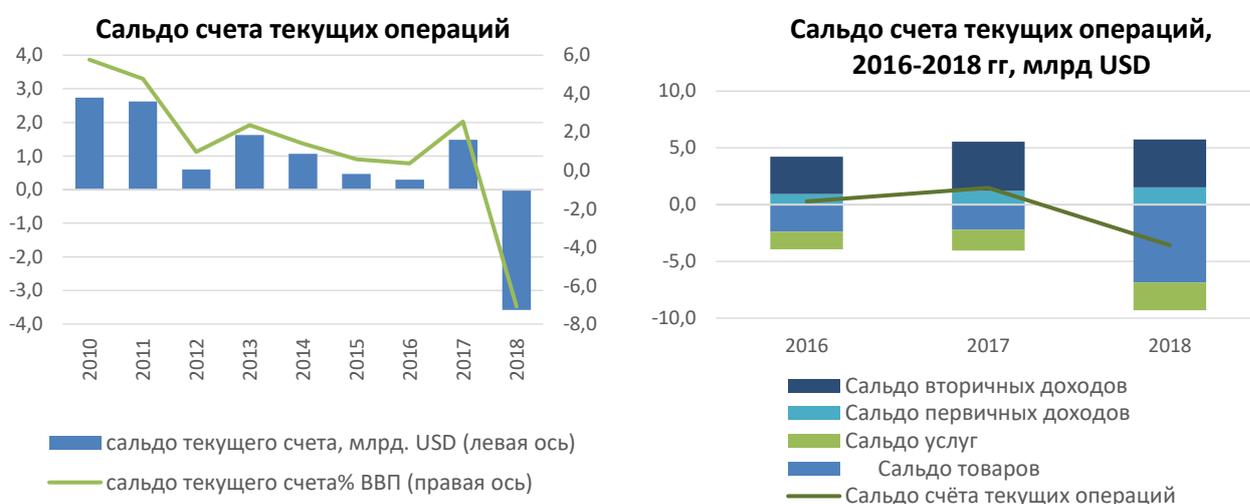
Рисунок 25 – Структура ПИИ Узбекистана, %

³⁸ <https://president.uz/ru/lists/view/2148>.

6 ВНЕШНИЙ СЕКТОР

6.1 ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС

Рост инвестиций и инвестиционного импорта явился одним из факторов появления существенного дефицита текущего счета, который составил 7,1% ВВП в 2018 г. (рисунок 26). По предварительным данным Центрального банка Узбекистана за 2019 г., сальдо текущего счета по-прежнему было отрицательным. Однако оно сократилось на 33% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. и составило 2,4 млрд долларов США (4% от ВВП). Это во многом было обусловлено благоприятной ценовой конъюнктурой на сырьевые товары, в результате темпы прироста экспорта товаров в два раза превысили показатель по импорту.

Примечание – На основе данных World Economic Outlook (WEO), Центрального банка Узбекистана.

Рисунок 26 – Сальдо текущего счета Узбекистана

Рост импорта товаров привел к увеличению импорта транспортных услуг. Это вместе с ростом поездок (туристических услуг) вызвало расширение дефицита торговли услугами. Сальдо вторичных доходов почти не изменилось в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом. Это связано с тем, что трансфертные переводы резидентам (физическим лицам), которые являются важнейшим компонентом вторичных доходов, даже немного уменьшились в связи с экономической ситуацией, складывающейся в странах, принимающих трудовых мигрантов, в частности в России³⁹.

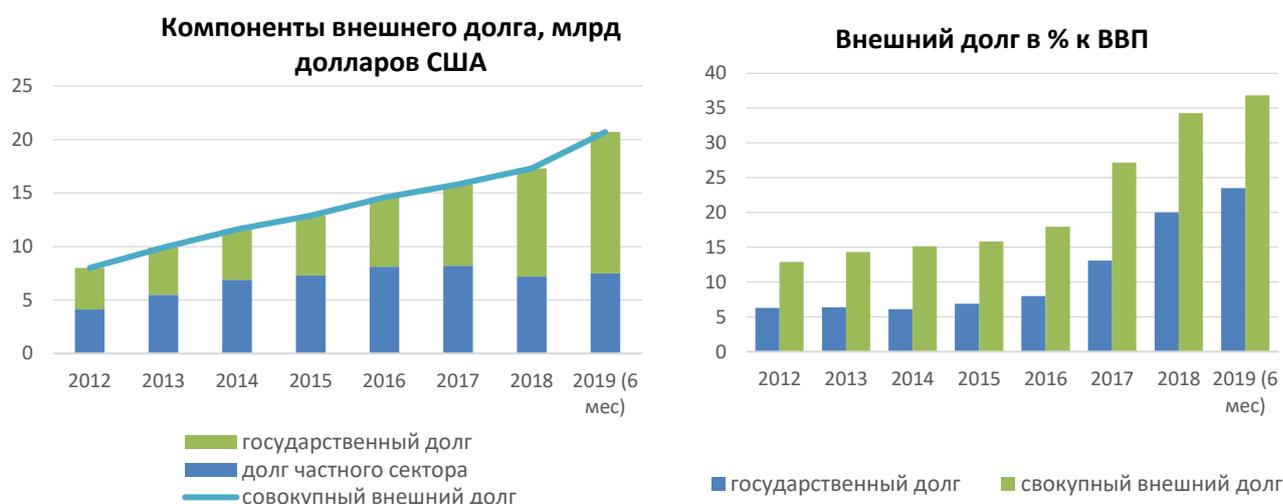
По финансовому счету отрицательное сальдо увеличилось с 443,8 млн долларов США в 2017 г. до 4,4 млрд долларов США в 2018 г. Такая ситуация была обусловлена чистым ростом

³⁹ На нее приходится 83% переводов трудовых мигрантов.

обязательств на 2,6 млрд долларов США по «торговым кредитам и авансам», вызванным увеличением импортных операций. Еще одним фактором, влияющим на состояние финансового счета, стал рост обязательств по «кредитам и займам» (с 930,8 млн долларов США в 2017 г. до 2,1 млрд долларов США в 2018 г.) в связи с расширением государственных заимствований для финансирования государственных программ. В 2019 г. дефицит финансового счета продолжал расширяться и составил за 9 месяцев 2019 г. 5,3 млрд долларов США. На это повлиял дальнейший рост государственных заимствований, привлечение внешних кредитных линий и размещение Узбекистаном евробондов на внешних рынках на 1 млрд долларов США.

6.2 ВНЕШНИЙ ДОЛГ

Рост заимствований на внешних рынках привел к росту совокупного внешнего долга до 20,7 млрд долларов США (36,9% ВВП) в первую очередь за счет увеличения государственного внешнего долга. При этом долг частного сектора в 2018-2019 гг. уменьшался в связи с его погашением предприятиями нефтегазового и энергетических секторов, которые наряду с текстильной промышленностью являются одними из основных заемщиков (рисунок 27).

Примечание – На основе данных World Economic Outlook (WEO), Центрального банка Узбекистана.

Рисунок 27 – Внешний долг Узбекистана

Предполагается, что рост государственного внешнего долга может продолжиться в ближайшие годы. Например, в бюджете на 2020 г. предусматривается его увеличение до 15,3 млрд

долларов США (25,4% ВВП)⁴⁰. Структура внешнего долга является благоприятной по срокам привлечения, поскольку 82,3% от его объема приходится на период более 10 лет, 8,7% – на 1-5 лет и 7,8% – 5-10 лет⁴¹. Таким, образом рост долговой нагрузки в ближайшие годы не окажет существенного влияния на бюджет. В 2020 г. погашение процентных платежей и основного долга из государственного бюджета составит 443,5 млн долларов США, однако уже в 2022 г. оно вырастет на 32,4% до 587,3 млн долларов США. В настоящее время правительство при поддержке МВФ разрабатывает стратегию управления внешним долгом и впервые устанавливает в 2020 г. его лимиты.

Основными кредиторами правительства Узбекистана среди международных организаций являются: Азиатский банк развития – 3929 млн долларов США, Всемирный банк – 2794,8 млн долларов США, Исламский банк развития – 869,7 млн долларов США. Среди стран-кредиторов на первом месте находится Китай, задолженность которому вырастет на начало 2020 г. до 3 млрд долларов США (20% от общего государственного внешнего долга), увеличившись за год на 53%. К началу 2020 г. почти в 21 раз увеличится долг перед Францией и в 5 раз перед Южной Кореей (таблица 10).

Таблица 10 – Основные страны-кредиторы Узбекистана

Страны	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020 (прогноз)
Китай	1055,9	1250,4	1547,0	1676,4	1964,4	3006,2
Япония	504,7	607,4	811,9	1090,6	1490,2	1831,1
Южная Корея	78,0	65,3	71,3	110,5	114,1	568,2
Франция	63,9	49,2	43,2	37,7	27,0	573,1
Германия	274,6	362,0	386,0	413,1	334,0	301,9
Саудовская Аравия	23,5	28,9	80,4	80,3	94,5	163,6
Россия	25,0	25,0	0,0	0,0	69,8	120,5
Кувейт	52,3	48,6	53,5	51,4	54,4	83,6
США	37,9	41,3	35,7	31,2	28,9	26,7

Примечание – На основе данных Министерства финансов Республики Узбекистан.

⁴⁰ Проект государственного бюджета на 2020 г. (https://www.mf.uz/media/file/state-budget/pub/citizens_budget_2020_ru.pdf).

⁴¹ Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Республики Узбекистан за первое полугодие 2019 года, Центральный банк Республики Узбекистан (http://cbu.uz/upload/obzor/ru_BOP,%20IP,%20EXD%20_2Q2019.pdf).

7 РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ, ВКЛЮЧАЯ ПРОЕКТЫ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Одним из сдерживающих факторов проведения запланированных в Узбекистане реформ является состояние инфраструктуры и, в первую очередь, энергетического и транспортного секторов. Вследствие недостаточного инвестирования в стране истек срок службы около 40% генерирующих мощностей в энергетике [11], имеются проблемы с качеством и эффективностью услуг автомобильного и железнодорожного транспорта, а также логистических услуг. Для решения проблем, связанных с развитием инфраструктуры, в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг. предусматривается «проведение активной инвестиционной политики, направленной на модернизацию, техническое и технологическое обновление производства, реализацию проектов производственной, транспортно-коммуникационной и социальной инфраструктуры» [12]. Следует также отметить, что источником финансирования как строящихся, так и планируемых инфраструктурных проектов в Узбекистане являются средства международных финансовых организаций и межгосударственные кредиты, что в свою очередь ведет к росту внешнего долга.

7.1 ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

По оценкам Азиатского банка развития, ОЭСР и Международного транспортного форума, инвестиции в транспортную инфраструктуру Узбекистана недостаточны для поддержания показателей сети, и в целом она не в полной мере соответствует изменяющейся демографической и экономической ситуации в стране. Далеко не в полной мере также задействован и транзитный потенциал. Для решения имеющихся проблем в Узбекистане был принят ряд программных документов, направленных на расширение действующих и строительство новых автомобильных и железных дорог. В частности, в стране реализовывалась Программа развития и модернизации инженерно-коммуникационной и дорожно-транспортной инфраструктуры на 2015-2019 гг., определившая приоритетные задачи ее развития, а также Комплексная программа по совершенствованию транспортной инфраструктуры и диверсификации внешнеторговых маршрутов перевозки грузов на 2019-2022 гг. Это позволило построить ряд железнодорожных линий, связывающих как регионы страны, так и повышающих транзитный потенциал Узбекистана: Навои-Учкудук-Султануиздаг-Нукус, Ташгузар-Байсун-Кумкурбан, высокоскоростное движение между Ташкентом, Самаркандом и Карши, а также на участке Самарканд-Бухара, электрифицированная железная дорога Ангрэн-Пап, сократившая расстояние до Китая на 270 км.

Вместе с тем в Постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию транспортной инфраструктуры и диверсификации внешнеторговых маршрутов перевозки грузов на 2018-2022 годы» отмечается необходимость «принятия дополнительных опережающих мер по созданию благоприятных условий для дальнейшей диверсификации внешнеторговых маршрутов, формированию альтернативных, максимально эффективных транзитных коридоров, обеспечивающих выход экспортной продукции Республики Узбекистан на перспективные международные рынки». Это связано с тем, что по-прежнему существует большая потребность в повышении торгово-транспортной связанности страны, пропускной способности транспортной инфраструктуры и ее эффективности. По оценкам Международного транспортного форума, для поддержания базового уровня эффективности транспортной сети Узбекистану надо будет существенно повысить пропускную способность железных и автомобильных дорог (таблица 11).

Таблица 11 – Пропускная способность инфраструктуры, необходимая для поддержания эффективности сети (отношение объема транспортного потока к пропускной способности), %

Страна	2030		2050	
	Автомобильные дороги	Железные дороги	Автомобильные дороги	Железные дороги
Казахстан	151	45	350	138
Кыргызстан	251	5	984	10
Таджикистан	191	0	516	3
Узбекистан	486	13	1365	459

Примечание – На основе данных [5].

Одним из направлений модернизации и повышения пропускной способности железных дорог является строительство железнодорожного коридора «Китай-Кыргызстан-Узбекистан» в рамках инициативы Пояс-Путь. Первым этапом создания этого транспортного коридора было строительство автомобильной дороги из Китая в Узбекистан (Андижан-Ош-Иркештам-Кашгар), которая была введена в эксплуатацию в феврале 2018 г. Следует отметить, однако, что строительство железной дороги обсуждается уже много лет, и между странами есть противоречия относительно маршрута: так вариант предлагаемый Узбекистаном на 300 км короче, в то время как Кыргызстан в рамках данного проекта хотел бы связать Чуйскую и Ферганскую долины. Спорным является также вопрос ширины железнодорожной колеи, поскольку Китай, использующий узкую европейскую колею, изначально предполагал, что смена колес будет происходить на кыргызско-узбекской границе, а Кыргызстан настаивал на том, что данная дорога должна быть частью наци-

ональной железнодорожной сети. Страны также не смогли пока прийти к соглашению относительно источников финансирования строительства данной дороги, стоимость которого оценивается в 7 долларов США. Новый импульс переговорам придало решение России присоединиться к работе трехсторонней рабочей группы. В частности, ОАО «Российские железные дороги» подписали соглашение с «Кыргыз темир жолу» о разработке проектной документации железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан, также обсуждается вопрос о возможности финансирования ее строительства Россией.

Серьезной проблемой для повышения торгово-транспортной связанности также является эффективность функционирования железнодорожной транспортной сети Узбекистана, перемещение грузов по которой осуществляется маршрутными поездами и вагонами. Это предполагает наличие значительного количества терминалов и сортировочных станций, что увеличивает как время транспортировки, так и ее стоимость. Такая система также плохо подходит для развития получающих все большее распространение интермодальных контейнерных перевозок. К тому же Узбекистану необходимо решать проблему устаревания подвижного состава. По данным Азиатского банка развития, почти 90% вагонного парка страны необходимо будет заменить в ближайшие десять лет. Следствием всех вышеназванных проблем, а также наличия избыточного штата работников являются низкие показатели производительности труда, которые, например, более чем в пять раз ниже, чем в Казахстане⁴².

В 2018 г. в Узбекистане отмечался рост международного индекса эффективности логистики (LPI). В результате чего страна переместилась по этому показателю с 118 места в 2016 г. на 99 место в 2018 г. и находилась на втором месте среди стран Центральной Азии после Казахстана (таблица 12). Это связано с ростом почти всех показателей, входящих в индекс, и в частности, улучшением качества инфраструктуры и логистических услуг, упрощением организации международной поставки товаров, лучшим соблюдением сроков поставок товаров. В то же время индекс эффективности работы таможенных органов уменьшился и был одним из самых низких среди стран региона наряду с Таджикистаном.

⁴² В Узбекистане на одного неуправленческого работника железной дороги приходится 500-600 тыс. единиц грузоперевозок, в то время как в Казахстане 3,2 млн. единиц.

Таблица 12 – Международный индекс эффективности логистики, 2018 г.

Страна	Место	LPI	Таможня	Инфра-структура	Международные поставки товаров	Логистические услуги	Отслеживание грузов	Сроки поставок
Узбекистан	99	2.58	2.10	2.57	2.42	2.59	2.71	3.09
Казахстан	71	2.81	2.66	2.55	2.73	2.58	2.78	3.53
Кыргызстан	108	2.55	2.75	2.38	2.22	2.36	2.64	2.94
Таджикистан	134	2.34	1.92	2.17	2.31	2.33	2.33	2.95
Туркменистан	126	2.41	2.35	2.23	2.29	2.31	2.56	2.72
Россия	75	2.76	2.42	2.78	2.64	2.75	2.65	3.31
Китай	26	3.61	3.29	3.75	3.54	3.59	3.65	3.84

Примечание – На основе данных Всемирного банка.

7.2 ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

По оценкам Всемирного банка, вследствие потерь и неэффективности энергетического сектора Узбекистана экономика ежегодно недосчитывается приблизительно 1,5 млрд долларов США⁴³. По данным Международного энергетического агентства, потери вырабатываемой электроэнергии составляли 15,9%⁴⁴. На работу энергетической инфраструктуры также оказывают влияние погодные условия, вследствие чего ряд районов в зимнее время испытывает перебои с энергоснабжением. Следует также отметить, что увеличивающийся спрос на электроэнергию со стороны промышленности и населения привел к росту ее импорта в 2019 г. на 33%. Одним из решений проблемы Правительство Узбекистана видит в росте доли возобновляемых источников энергии, удельный вес которых должен увеличиться с 10% в 2019 г. до 25% к 2030 г.⁴⁵ Это касается, в первую очередь, солнечной и ветровой энергии, потенциал для выработки которой имеется в Республике Каракалпакстан, Бухарской, Самаркандской, Ташкентской, Джизакской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Навоийской областях.

В Узбекистане разработана специальная программа по строительству крупных солнечных электростанций с объемом инвестиций в один млрд долларов США. По ряду проектов уже подписаны соглашения с иностранными партнерами, которые в том числе предусматривают использование механизма государственно-частного партнерства. В частности, планируется строительство фотоэлектрических станций с французской компанией «TOTAL Eren» (в Нурабадском районе Самаркандской области) и Международной финансовой корпорацией (в Карманинском районе

⁴³ World Bank (2016) Systematic Country Diagnostics for Uzbekistan. Report № 106454. 29 p. (p. 27)

⁴⁴ <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tables?country=UZBEKISTAN&energy=Balances&year=2017>

⁴⁵ Постановление Президента Республики Узбекистан «Об ускоренных мерах по повышению энергоэффективности отраслей экономики и социальной сферы, внедрению энергосберегающих технологий и развитию возобновляемых источников энергии», №ПП-4422 22.08.2019 (<https://lex.uz/ru/docs/4486127>).

Навоийской области), а также крупных солнечных электростанций с канадской компанией Sky Power Global (в Навоийской, Самаркандской, Ташкентской, Джизакской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях).

Инвестиционные проекты по строительству ветровых электростанций в Узбекистане предполагается реализовывать в сотрудничестве с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), с которым также заключен меморандум об использовании при этом механизма государственно-частного партнерства. Например, планируется, что за счет средств ЕБРР компания «Masdar» из Объединенных Арабских Эмиратов построит ветрогенераторы в районе Каратау (Нукус) и в Навоийской области (Зарафшан).

В Узбекистане также планируется увеличивать выработку электроэнергии на гидроэлектростанциях, поскольку в настоящее время используется только около 29% от потенциала 37 действующих станций. В стране была разработана специальная Программа мер по дальнейшему развитию гидроэнергетики, в которую вошли около 80 проектов нового строительства и модернизации⁴⁶.

Наряду с развитием возобновляемых источников энергии в Узбекистане реализуются проекты по строительству и модернизации тепловых электростанций, в частности, Туракурганской ТЭС. Помимо этого, совместно с Международной финансовой корпорацией ведется поиск инвесторов для строительства тепловой электростанции комбинированного цикла в Сырдарьинской области. ЕБРР также выделил Узбекистану кредит на расширение Талимарджанской тепловой электростанции, которую планируется приватизировать с участием компании «Mubadala Utilities» из Объединенных Арабских Эмиратов и затем увеличить ее мощности. В настоящее время на ТЭС, крупнейшей из которых является Сырдарьинская, вырабатывается около 85% электроэнергии.

В связи с растущей потребностью в электроэнергии в Узбекистане, которая составляет 6-7% в год, а также намеченным в ближайшие пять лет выводом морально устаревших мощностей теплоэлектростанций, в стране было принято решение о строительстве атомной станции, и создано Агентство по развитию атомной энергетики при Кабинете Министров Республики Узбекистан «Узатом»⁴⁷. Станция будет построена российским «Росатомом» и, по оценкам, после введения ее в строй может покрыть до 20% потребности в электроэнергии.

⁴⁶ <https://uzenergyweek.com/ru/гидроэнергетика>.

⁴⁷ Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по развитию атомной энергетики в Республике Узбекистан» от 19 июля 2018 года <https://lex.uz/docs/3829106>.

В связи с планируемым созданием большого количества генерирующих мощностей в Узбекистане также планируется модернизация магистральных линий и, в том числе, строительство линии электропередачи «Сурхан-Пули-Хумри», которая позволит значительно увеличить поставки электроэнергии в Афганистан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на начатые реформы, Узбекистан по-прежнему сталкивается с серьезными вызовами, связанными с низкой производительностью экономики, ее недостаточной диверсифицированностью, сохраняющейся зависимостью от экспорта природных ресурсов и добывающей промышленности, относительно высоким уровнем бедности и проблемами с состоянием инфраструктуры, особенно энергетической и транспортной, а также недостаточным прогрессом в улучшении бизнес-климата.

В последние годы происходит замедление темпов роста ВВП, которые все еще остаются относительно высокими. Если в 2011-2015 гг. среднегодовые темпы прироста составляли около 7,5%, то за последние три года среднегодовой прирост реального ВВП снизился до 5,2%. Темпы прироста реального ВВП на душу населения существенно отставали от темпов роста ВВП, что свидетельствует о проблемах с производительностью труда и эффективностью использования рабочей силы в Узбекистане.

В последние годы в Узбекистане наблюдается высокий рост инвестиций, стимулируемый целевым кредитованием и отложенным потребительским спросом. В результате профицит текущего счета в 2017 г., составлявший 1,4% от ВВП трансформировался в 2018 г. в дефицит текущего счета, составляющий 7,1% от ВВП. Инвестиционный и кредитный бум ведет лишь к умеренным результатам в плане экономического роста и создания новых рабочих мест и является потенциальным источником экономических дисбалансов, в частности, роста уровня инфляции.

В Узбекистане рост индекса потребительских цен в 2017-2018 гг. – более 14%. Дефлятор ВВП в 2018 г. практически в два раза превышает ИПЦ и составляет более 28%. Несмотря на то, что уровень инфляции имеет некоторую тенденцию к снижению в 2019 г., он все еще остается двузначным числом. Инфляционные ожидания продолжают оставаться высокими, а дефлятор ВВП как альтернативный показатель уровня инфляции свидетельствует о высоком инфляционном давлении в экономике Узбекистана.

Создание рабочих мест в официальном секторе не соответствовало темпам роста рабочей силы (в 2018 г. уровень занятости в официальном секторе составлял по различным оценкам, 26-28%). Качество человеческого капитала ограничивается низким образовательным уровнем (в частности, низкий удельный вес населения с высшим образованием). В то же время рабочие места, создаваемые в неофициальном секторе экономики, являются менее защищенными и низкооплачиваемыми. Такая ситуация неизбежно ведет к трудовой миграции за пределы Узбекистана

(преимущественно в Россию). Достаточно высоким является и уровень безработицы (9,3% на конец 2018 г.).

В перспективе бюджетный дефицит не будет существенной проблемой для макроэкономической стабильности. По официальным данным предполагается, что в 2019-2022 гг. он будет равен от 0,7% до 1% от ВВП. По оценкам МВФ, общий баланс будет более дефицитным и составит в указанные годы от 1,6% до 1,9% от ВВП. Также предполагается, что государственной долг будет оставаться умеренным, оставаясь на уровне примерно 25% от ВВП. Однако существует потенциальный риск для бюджетного процесса со стороны возможного сокращения налогов от государственных предприятий вследствие экономических реформ.

Анализ показывает, что реальная, номинальная и институциональная конвергенция присутствует в той или иной степени всем рассматриваемым региональным интеграционным объединениям. ЕАЭС является типичным региональным интеграционным объединением, включающим страны с различным уровнем экономического развития, между которыми наблюдаются различные формы сближения.

Очевидно, что по уровню ВВП на душу населения Армения и особенно Кыргызстан отстают от клуба лидеров (Беларусь, Казахстан, Россия). Однако такая ситуация типична и для других интеграционных объединений. Поэтому можно сделать вывод, что с точки зрения мирового интеграционного опыта различия в уровнях экономического развития не являются препятствием для формирования нормально функционирующих региональных интеграционных объединений. В частности, показатели Узбекистана существенно отличаются от стран-лидеров ЕАЭС, но в то же время сопоставимы или превосходят показатели Кыргызстана – государство-члена ЕАЭС. В то же время замедление темпов экономического роста в Узбекистане делает реальную конвергенцию с Россией, Казахстаном и Беларусью в обозримом будущем весьма проблематичной.

Наблюдаемое в последние годы опережение темпов роста импорта товаров по сравнению с экспортом привело к появлению и постоянному росту отрицательного сальдо торгового баланса товарами, которое составило в 2018 г. 6 млрд долларов США, а за одиннадцать месяцев 2019 г. 6,7 млрд долларов США. Импорт товаров вызвал существенный рост импорта транспортных услуг и резкое сокращение профицита в торговле услугами.

Географическая диверсификация торговли Узбекистана оставалась практически неизменной с 2010 г., однако значимость стран в экспорте и импорте менялась. В экспорте существенно сократился удельный вес ЕАЭС (с 40,8% в 2010 г. до 30% в 2018 г.), данная тенденция продолжилась и в 2019 г. В первую очередь это было связано с резким падением доли России с 32,6% в

2010 г. до 15,5% в 2018 г. и 13,2% по итогам одиннадцати месяцев 2019 г. При этом экспорт Узбекистана в ЕАЭС, и в частности, в Россию и Казахстан сдвигался в сторону сырьевых товаров, в то время как доля химической продукции, металлов, продукции машиностроения и транспорта постоянно сокращалась. В импорте из ЕАЭС также стали доминировать металлы, продукция растительного происхождения, изделия из дерева, в то время как удельный вес продукции машиностроения снижался.

Среди торговых партнеров Узбекистана значительно выросла роль Китая. Однако в экспорте это в основном было связано с существенным увеличением поставок энергетических ресурсов при снижении доля текстиля, а также химической продукции из-за прекращения поставок урана. В импорте из Китая существенно выросла доля машиностроения, которая составила в 2018 г. 50,1%.

Происходящие изменения привели к тому, что индекс комплиментарности торговли, который показывает, насколько экспортный профиль страны совпадает с импортными профилями стран-партнеров, стал снижаться с ЕАЭС и оказался существенно ниже, чем с Китаем, Кореей и Турцией. Низкие значения данного индекса и его уменьшение со странами ЕАЭС означает существование ограничений для устойчивой положительной динамики торговли, поскольку структура и качество экспорта не соответствует растущему промышленному и потребительскому спросу в странах-партнерах.

В товарной структуре экспорта Узбекистана доминировали сырьевые товары и, в частности, золото, энергоносители, уран, который составляют почти половину от его общего объема. Для поддержания и развития экспортного потенциала сектора производства углеводородов нужны масштабные инвестиции в геологоразведочные работы, модернизацию действующих и открытие новых месторождений, а также в увеличение глубины переработки нефтегазового сырья и производство из нее продукции с высокой добавленной стоимостью. Усилия Узбекистана по развитию сравнительных преимуществ по несырьевым товарам пока не дали значимых результатов особенно за пределами рынка Евразийского экономического союза. В странах ЕАЭС набор сравнительных преимуществ был шире. В России в 2018 г. конкурентоспособными были текстиль и одежда, резиновые и пластмассовые изделия, продукция стекла и камня, а также продукция растительного происхождения. Все это может служить основой для дальнейшего развития торговли между странами.

Препятствием для развития торговли со странами ЕАЭС является широкое применение Узбекистаном нетарифных барьеров, например, сертификации, подходы к которой различаются в

зависимости от страны происхождения товара. Например, в 2018 г. была отменена обязательная сертификация соответствия на товары, имеющие сертификаты, выданные аккредитованными органами стран-членов ОЭСР. Не способствует развитию взаимной торговли со странами ЕАЭС также акцизный налог, который является скрытой импортной пошлиной, поскольку установлен или в процентах от таможенной стоимости товара, или в долларах США. Ставки данного налога варьируют от 120% до 10%.

Для развития экспортного потенциала и модернизации экономики и инфраструктуры Узбекистан начиная с 2016 г. существенно увеличил инвестирования в основной капитал. В результате отношение инвестиций к ВВП составило в 2018 г. 40,2% и было самым высоким в регионе Центральной Азии. МВФ прогнозирует, что такие показатели сохранятся до 2024 г. Наиболее высокими темпами росли централизованные инвестиции, которые направлялись на реализацию крупных проектов, включенных в Государственную программу развития. Почти половину из них составляли иностранные инвестиции и кредиты, привлекаемые под гарантию правительства, которые увеличились в 2018 г. в 2,8 раза г/г, а в первом полугодии 2019 г. – в 3,5 раза. Данные инвестиции получали в основном государственные компании, реализующие как инфраструктурные проекты, так и проекты в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. При этом, несмотря на проводимые реформы, Узбекистану пока не удалось ускорить темпы привлечения прямых иностранных инвестиций.

В Узбекистане, в отличие от других стран региона, прямые иностранные инвестиции играли менее значительную роль по сравнению с внутренними источниками валового накопления основного капитала и кредитами, привлекаемыми под гарантию правительства и направляемыми в экономику страны. Рост кредитов банков во многом был обусловлен целевым кредитованием государственных банков по ставкам ниже рыночных. Нельзя не отметить, что такой подход несет в себе ряд рисков, в частности валютный риск, связанный с тем, что большая часть кредитов выдавалась в иностранной валюте на фоне ее ослабления, риск необходимости реструктурирования кредитов, существенный рост внешнеторгового дефицита, дефицита текущего счета и риск его дальнейшего увеличения, и рост совокупного и, в первую очередь, государственного внешнего долга. Следует также иметь в виду, что льготные государственные кредиты, предоставляемые в основном предприятиям горнодобывающей, химической промышленности, транспорта и инфраструктуры (например, теплоэлектростанции) вероятно не окажут существенного влияния на создание новых рабочих мест, необходимых в связи с ростом экономически активного населения.

Проведение запланированных в Узбекистане реформ сдерживает неудовлетворительное состояние инфраструктуры, и, в первую очередь, энергетического и транспортного секторов. Вследствие недостаточного инвестирования в стране истек срок службы около 40 % генерирующих мощностей в энергетике, имеются проблемы с качеством и эффективностью логистических услуг, услуг автомобильного и железнодорожного транспорта, а также с пропускной способностью дорог, которую нужно существенно повысить. Одним из направлений модернизации и повышения пропускной способности железных дорог является строительство железнодорожного коридора «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» в рамках инициативы Пояс-Путь. Проект не был реализован в связи с имеющимися разногласиями между его участниками и неопределенностью относительно источников финансирования. Новый импульс переговорам придало решение России присоединиться к работе трехсторонней рабочей группе. В частности, ОАО «Российские железные дороги» подписали соглашение с «Кыргыз темир жолу» о разработке проектной документации железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, также обсуждается вопрос о возможности финансирования ее строительства Россией.

Неэффективность энергетического сектора Узбекистана приводит к существенным потерям экономики, которые, по оценкам Всемирного банка, составляют приблизительно 1,5 млрд долларов США. Увеличивающийся спрос на электроэнергию со стороны промышленности и населения привел к росту ее импорта в 2019 г. на 33%. Одним из решений проблемы наряду с ростом возобновляемых источников энергии и модернизации гидро- и тепловых электростанций Правительство Узбекистана видит в строительстве атомной станции. Она будет построена российским «Росатомом» и, по оценкам, после введения в строй может покрыть до 20% потребности страны в электроэнергии.

Таким образом, проведенный анализ показал, что несмотря на снижение доли стран Евразийского экономического союза в торговле с Узбекистаном, они по-прежнему являются важным рынком для несырьевого экспорта, а также источником инвестиций и технологий для реализации инвестиционных проектов как в инфраструктурном секторе, так и в промышленности и сфере услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Узбекистан: навстречу новой экономике // Страновой экономический бюллетень, Всемирной банк. – 2019. – 27 с.
2. Republic of Uzbekistan. 2019 Article IV Consultation – press release and staff report // IMF Country Report No. 19/129. – 2019. – 63 p.
3. Phillips, P. C. B., Sul, D. Transition modeling and econometric convergence tests // *Econometrica*. – 2007. – vol. 75. – p. 1771–1885.
4. Phillips, P. C. B., Sul, D. Some empirics on economic growth under heterogeneous technology // *Journal of Macroeconomics*. – 2007. – vol. 29. p. 455–469.
5. Phillips, P. C. B., Sul, D. Economic transition and growth, *Journal of Applied Econometrics*. – 2009. – vol. 24. – p. 1153–1185.
6. Du, K. Econometric convergence test and club clustering using Stata // *The Stata Journal*. – 2018. – № 17. – P. 882–900.
7. Hausmann, R., Klinger B. Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space // CID Working Paper. – 2006. – No. 128. – 35 p. – URL: <https://growthlab.cid.harvard.edu/files/growthlab/files/128.pdf> (дата обращения 27.01.2020).
8. Hausmann, R., Klinger B. The Structure of the Product Space and the Evolution of Comparative Advantage // CID Working Paper. – 2007. – No. 146. – 37 p. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/146.pdf> (дата обращения 27.01.2020).
9. Hidalgo, C., Klinger B., Barabasi, A.-L., Hausmann, R. The Product Space Conditions: the Development of Nations // *Science*. – 2007. – Vol. 317. – No. 5837. – p. 482–487.
10. Sustainable Infrastructure for Low-Carbon Development in Central Asia and the Caucasus // Hotspot Analysis and Needs Assessment, OECD. URL: – 2019. – <https://www.oecd.org/publications/sustainable-infrastructure-for-low-carbon-development-in-central-asia-and-the-caucasus-d1aa6ae9-en.htm> (дата обращения 27.01.2020).
11. Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. – URL: – http://strategy.gov.uz/ru/pages/action_strategy (дата обращения 27.01.2020).
12. Повышение торгово-транспортной связанности и развитие грузоперевозок в Центральной Азии // Международный транспортный форум, ОЭСР. – 2019. – 181 с. URL: – <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/svyaznost-gruzovoy-transport-centralnaya-aziya.pdf> (дата обращения 27.01.2020).

Авторы доклада:

Пелипась И.В. (к.э.н., доцент), Точицкая И.Э. (к.э.н., доцент)